

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

МИЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

ШЕСТЬ ИЗВИЛИН ПОД ФУРАЖКОЙ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Милицейская академия

Михаил Серегин

Шесть извилин под фуражкой

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Шесть извилин под фуражкой / М. Г. Серегин — «Научная книга», — (Милицейская академия)

Учебный процесс в школе милиции под угрозой! Похищен любимый преподаватель, да еще и в день своего рождения. И, кажется, ему грозит смертельная опасность! Наши доблестные курсанты, конечно же, не могут допустить подобного безобразия. Смелые менты не пожалеют сил, чтобы найти и спасти любимого преподавателя и наказать злоумышленника.

© Серегин М. Г.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	28
ГЛАВА 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Шесть извилин под фуражкой

ГЛАВА 1

Вечер был настолько теплым и приятным, что казалось, будто на дворе и не конец августа вовсе, а по меньшей мере начало июня. Курсанту школы милиции Федору Ганге такая погода очень нравилась. Он вообще любил тепло, солнце, запах трав и цветов. Вероятно, это говорили в нем гены его отца, гражданина какой-то африканской страны Мамадума Ганги, которого, правда, Федя еще ни разу в своей жизни не видел. Приятный ветерок обдувал все, что попадалось на пути. Где-то в ветвях деревьев истошно орал кот, неизвестно как попавший туда. Но даже эти вопли, несомненно, нравились Феде.

Он слушал их с таким упоением, с каким слушают африканцы крики обезьян. Но тут вопли прекратились, и Ганга услышал странный звук где-то наверху. Курсант немедленно задрал голову и увидел, как на него, раскинув лапы в стороны, словно степной орел, летит тот самый кот, который всего несколько секунд назад возвещал всем окружающим о своем готовящемся подвиге. Возможно, прекрасный вечерок настолько воодушевил бедного зверя, что тот вообразил себя птицей, только при этом забыл, что, как говорится, рожденный ползать, летать не сможет, вот теперь и расплачивался за свое вольнодумство. Федя едва успел отпрыгнуть, а кот, шмякнувшись на траву и ничуть при этом не пострадав, деловито поднялся, отряхнулся, кинул презрительный взгляд на курсанта и зашагал прочь. Ганга только плечами пожал и продолжил свой путь.

Начинало смеркаться. Во дворе зюзюкинской школы милиции было тихо, в зданиях учебных корпусов не виднелось ни одного окна, в котором горел бы свет. Однако это никак не относилось к школьному общежитию, где в этот вечер электричество жгли нещадно к великому огорчению и отчаянию местного завхоза. Только вот поделать он ничего не мог, потому что вечер-то был необычный. Завтра должно состояться торжественное построение в честь начала нового учебного года, вот и готовились курсанты к этому незаурядному событию. Правда, событие не такое уж и заурядное – в школе милиции каждый год проходили такие построения, но все же и не повседневное.

Школа милиции в провинциальном, не очень маленьком, но и не очень большом городке Зюзюкинске и его окрестностях числилась чуть ли не самым престижным учебным заведением, поступить в которое считалось большой удачей. Однако далеко не всем желающим это удавалось – вступительные экзамены были наисложнейшими. Но вот те счастливики, которым удавалось с честью выполнить все задания и пройти по конкурсу, с гордостью принимали почетную обязанность называться курсантами. В этот вечер более пятидесяти желторотых новобранцев-первокурсников, сидя в своих комнатухах, наглаживали только что выданную им форму курсантов, начищали до блеска пряжки, пуговицы и ботинки – в общем, делали все возможное, чтобы не ударить в грязь лицом на завтрашнем построении.

Гангу эти проблемы не волновали, ведь он уже был второкурсником. Парадная форма была приготовлена несколько дней назад, и теперь Федя с чистой совестью и прекрасным настроением прогуливался по школьному двору, совершая тем самым вечерний моцион. Хотя тут следует оговориться. Не такая уж и беззаботная у Феде была прогулка. Он вовсе не бездельничал, а наблюдал за тем, чтобы в окрестностях школы милиции все было тихо и спокойно, дабы ни один хулиган не потревожил спокойствия курсантов и преподавателей. И в особенности преподавателей, потому что сегодня у любимого курсантами капитана Мочилова был день рождения, который он вместе со своими ближайшими коллегами по работе лейтенантом

Смурным и инструктором по физподготовке Садюкиным решил отметить прямо на работе, а именно, в святая святых всех преподавателей – учительской.

Не далее как всего два часа назад Мочиллов встретил Федю и дал ему очень важное задание охранять двор, наблюдать, и в случае появления на горизонте старшего лейтенанта Ворохватова немедленно дать знать своему капитану. Дело в том, что Ворохватов и Мочиллов были давними соперниками на педагогическом поприще. Они ревностно следили за успехами или неудачами друг друга, огорчаясь или радуясь соответственно. Поэтому неудивительно, что пить за свое рождение с Ворохватовым Глеб Ефимович Мочиллов ну никак не хотел.

Ганга был рад помочь своему капитану, к тому же остальные его друзья отправились в этот вечер кто куда, а Феде идти было некуда. Хорошо было близнецам Андрею и Антону Утконосову – к ним прибыли многочисленные родственники, которые всегда приезжали посмотреть на торжественное построение, посвященное началу учебного года. Все они в количестве десяти человек поселились в местной гостинице, куда и направились в этот вечер близнецы. Санек Зубоскалин по прозвищу Дирол и Лешка Пешкодралов унеслись в местный бар, где решили торжественно отметить последний день каникул, а Веня Кулапудов, естественно, находился в компании своей ненаглядной Зоси Красноодеальной, которая в этом году благодаря курсантам из группы капитана Мочилова поступила в зюзюкинскую школу милиции.

Только Феде некуда было податься. Мама его уехала вместе с бабушкой в дом отдыха, а с папой дело и так было ясное – он находился очень далеко от Зюзюкинска. Даже если бы далекий Мамадум Ганга и знал, что его ждет сын, все равно не смог бы приехать. Вот и приходилось обычному русскому негру выполнять важное поручение капитана в одиночестве в этот приятный августовский вечер.

Шорох в ближайших кустах заставил Федю отвлечься от своих грустных мыслей. Ганга напрягся, почуввав неладное. И действительно, как это он мог забыть, что просто обязан сохранять бдительность и быть все время начеку. Федя тотчас собрался, по-солдатски повернулся на сто восемьдесят градусов – именно за его спиной раздался шорох – и вытянул голову вперед. С первого раза исполнителю курсанту разглядеть источник странных звуков не удалось и пришлось, оглядываясь и на ходу готовясь к схватке, пробираться в кусты.

Однако то, что Федя увидел в следующую минуту, повергло его в несказанное разочарование. На травке, положив ладошки под щеку, словно малыш в детском саду, спал какой-то мужик. По всей видимости, гражданин был сильно пьян, иначе с чего бы ему спать на ночь глядя в кустах, да еще и рядом со школой милиции? Эта Фебина догадка немедленно подтвердилась при первом же осмотре спящего гражданина – из его кармана торчала початая бутылка водки.

– Гражданин, – тихонько позвал Ганга, стараясь пока не создавать излишнего шума.

Однако спящий никак не прореагировал на этот зов, а еще глубже засунул ладошки под щеку, продолжая мирно сопеть.

– Эй, гражданин, – чуть громче повторил курсант.

Однако ответа вновь не последовало. Тогда Федя, здраво рассудив, что другого выхода у него нет, толкнул пьяницу в бок и заорал ему на ухо:

– Гражданин, немедленно проснитесь и поднимитесь! В случае невыполнения я буду вынужден вас задержать, а потом... может быть, и арестую! – немного подумав, добавил он.

Как ни странно, но гражданин, подскочив на месте, немедленно принял вертикальное положение, посмотрел на Гангу совершенно трезвым взглядом и быстро затараторил:

– Нет, ни в коем случае... Я не сплю, гражданин начальник. Это я так, отдохнуть прилег. Гулял, гулял, захотелось на травке поваляться, а потом и сам не заметил как заснул. Вы уж меня простите, гражданин начальник.

В этом месте нарушитель замолчал, видимо, разглядев, кто перед ним находится. Дело в том, что шоколадный цвет кожи Феи многих зюзюкинцев если и не пугал, то уж точно

удивлял. Ну в каком еще провинциальном городке можно встретить чернокожего курсанта школы милиции? Федю подобные реакции на его внешний вид уже давно перестали волновать, хотя все же иногда было и неприятно. Вот как сейчас, например.

– Я вам еще не начальник, – в первую очередь поправил Федя нарушителя.

– И вряд ли с такой рожей станешь, – себе под нос тихо пробормотал мужик. – Ты вообще-то кто? Может, из зоопарка сбежал?

– Ага, вот из этого, – Ганга, ничуть не смутившись, указал на учебный корпус школы милиции и добавил: – У меня и документы соответствующие имеются. Показать?

Только сейчас пьяница, разглядев форму Федя, понял, кто перед ним стоит. Выражение его лица мгновенно изменилось, теперь он заискивающе смотрел на Гангу и пытался поглубже затолкать в карман бутылку водки.

– А почему это у вас бутылка из кармана торчит? – тут же спросил курсант.

– Какая бутылка? – очень даже искренне удивился незнакомец и полез по карманам. – Ах эта... Так это меня сосед просил ему донести. Встретил он, значит, меня вон на той дорожке, – мужик ткнул пальцем в сторону тоненькой тропинки среди кустов, – и попросил вот эту самую бутылку ему до дома донести. У него, знаете ли, жена такая вредная, пить не дает, вот он ее и боится. А жена-то как раз и подкарауливала соседа вон за тем деревом, – рука его метнулась в другом направлении. – Ну, я и помог, спрятал бутылку у себя, а потом про нее как-то забыл.

Пока незнакомец яростно жестикулировал, пытаясь объяснить создавшуюся ситуацию, Федя изо всех сил старался сохранять самообладание. Каких же придурков не встретишь! Больше всего Гангу возмущал тот факт, что пьяница нагло врал и при этом несколько не краснел.

– Все, хватит, – строго оборвал речь незнакомца Федя. – Покажите, гражданин, ваши документы.

– Какие же у меня могут быть документы, если я просто гулял, – развел руками мужик, а потом, немного поразмыслив, добавил: – А хотите, пойдем ко мне домой, там я и покажу свои документы.

Ганга надолго задумался. С одной стороны, как будущий милиционер он просто обязан был выяснить личность гражданина, уснувшего в кустах. Однако, с другой стороны, в данный момент Федя находился на посту по приказу капитана Мочилова и пост этот не мог оставить ни при каких обстоятельствах. Немного помучившись, курсант все же решил, что пост значительно важнее, чем этот пьяница, который даже врать-то толком не умеет.

– А, ладно, – махнул Федя рукой. – Иди отсюда, и чтобы я тебя больше в этих кустах не видел, а то мигом арестую.

– Есть, гражданин начальник, – осклабился мужик и, больше ничего не сказав, скрылся в темных зарослях.

Если бы Федя знал, сколько последствий за собой понесет этот его великодушный поступок, то немедленно кинулся бы вдогонку за сонливым пьяницей и действительно произвел задержание по всем правилам. Но Ганга только покачал головой, нахмурил брови и еще пристальнее стал высматривать в темноте злостных нарушителей порядка, а заодно и старшего лейтенанта Ворохватава.

* * *

– Ты вот скажи мне, Глеб Ефимович, ну чего ты все с этими учебными планами носишься? Задание такое, задание слякое. Тьфу, педагогика одна, – говорил Фрол Петрович Садюкин, цепляя на вилку кусок селедки в майонезе прямо из банки.

В учительской было темно, только свет от монитора включенного компьютера косой синеватой полоской падал на ближайший стол, за которым расположились учителя. Электри-

ческие лампы не включали нарочно, боясь навлечь на свои пьяные головы неприятность в лице старшего лейтенанта Ивана Арнольдовича Ворохвата. Мочилова, конечно, немного мучила совесть, что он не пригласил на пирушку по случаю собственного дня рождения ближайшего коллегу, но уж больно Ворохватов был занудлив и спесив. Ну, не любил Мочиллов старшего лейтенанта, и все тут. Видимо, на роду им обоим было написано во всем, всегда и везде быть соперниками, будь то служебная лестница, педагогические устремления или же просто любые жизненные ситуации. Взять хотя бы прошлый Новый год. Тогда Ворохватов начал приставать к Мочиллову, давай, мол, посмотрим, кто кого перепьет, даже водки достал по такому случаю. Глеб Ефимович согласился. И что из этого вышло? Выговор от начальства, усмешки курсантов и порицания коллег. Хотя победил тогда все-таки Мочиллов. Он еще стоял на ногах, в то время как несколько курсантов уносили пьяного в дым Ворохвата из актового зала, где проходило торжество. Нет уж, не надо больше таких соревнований. А вот насчет ненужности учебных планов Садюкин был не прав, по мнению Мочилова. Да если бы не они, то его группа курсантов ни за что бы не стала лучшей в школе. Ведь сколько преступлений уже раскрыли ребята, а учатся пока еще только на втором курсе. Именно эту мысль и решил высказать вслух капитан.

– Ты вот, Фрол Петрович, не совсем правильно говоришь, – начал он. – Сам подумай, если бы не составлял я программу, чему и как учить, разве смог бы дать курсантам знания, достойные настоящего работника милиции? Нет, конечно. Тебе-то легче, потому что ты не знания даешь, а мышцы заставляешь работать, а в этом деле учебный план не нужен.

– Может, и прав ты, – пьяненько икнув, пробормотал Садюкин, – да только...

– Ребята, а давайте еще выпьем, а то мне что-то скучно с вами становится, – вклинился в разговор до сих пор молчавший и покорно поедавший овощной салат Володя Смурной, которому, будь он потрезвее, несомненно был бы интересен этот разговор, но только не сейчас.

Владимир Эммануилович Смурной всего год назад закончил школу милиции и решил податься в преподаватели. Он был молод и зелен, к бывшим своим учителям относился с огромным трепетом и уважением. Володе только в этом году дали собственную группу, и теперь ему не терпелось испытать свои педагогические способности на курсантах-первокурсниках. Если бы не огромное количество выпитой водки, то Смурной никогда в жизни не позволил бы себе такого фамильярного обращения к своим наставникам, а сидел бы в уголке и, как губка, впитывал все услышанное. Но сейчас ему нисколько не были интересны разговоры об учебных планах, он был пьян, взбудоражен, и ему хотелось приключений. Только на это можно и не надеяться, потому что Мочиллов с Садюкиным были людьми взрослыми и серьезными, а потому не любили всяких непредвиденных ситуаций.

– А что, Володя прав, – согласился Мочиллов, – надо выпить.

С этими словами он схватил со стола наполовину опорожненную бутылку с водкой и наполнил рюмки. Выпили, потом закусили, намереваясь продолжить прерванный разговор, но в этот момент в коридоре послышались чьи-то шаги.

– Кто это? – испугался Володя.

– Не знаю, – менее испуганно, но более настороженно ответил Мочиллов.

– Это враг или диверсант, – уверенно заявил Садюкин.

– Или Ворохватов, – продолжил Глеб Ефимович.

– Нет, Ворохватов свой, а свои по ночам в школу не ходят, – не согласился Фрол Петрович.

– А чего ж мы сидим-то, – первым спохватился Смурной. – Кто бы это ни был, но нам точно не поздоровится, если здесь застукают. И объясняй потом, что мы здесь не по злому умыслу, а по случаю дня рождения капитана Мочилова.

– Он верно говорит, – глубокомысленно изрек Садюкин, не спеша доедая корочку хлеба, но вдруг вскочил и, дико вытаращив глаза, зашипел: – Спасайся, кто куда может! – и полез

прямоком под стул, правда, тот оказался для рослого инструктора слишком маленьким в качестве прикрытия, а потому пришлось беглецу прятаться под стол.

Остальные тоже не заставили себя долго ждать. Глеб Ефимович, пометавшись было по учительской, в конце концов опомнился и, взобравшись на подоконник, спрятался за жалюзи. Только Володя Смурной не поддался первоначальной панике. То есть он, конечно, испугался, но думал он при этом не о себе, а прежде всего о незавидной участи всей их компании в случае обнаружения ее в учительской. Быстренько вытащив из-под стула, под который пытался залезть Садюкин, полиэтиленовый пакет, Володя одним движением руки смахнул в него всю закуску и выпивку, засунул под мышку и только после этого начал искать себе укрытие. Этим местом стал длинный и широкий шкаф, в который в зимнее время года преподаватели школы вешали верхнюю одежду.

Устроившись в шкафу, Смурной от души похвалил самого себя за то, что не растерялся и вовремя убрал следы преступления со стола. Он даже начал представлять себе, как будут благодарить его Садюкин и Мочиллов, когда опасность минует. И в этот момент в голову Володи пришла страшная мысль: он забыл выключить компьютер.

– Вот дырявая моя голова, – хлопнув ладонью по лбу, обругал себя Володя. – Надо же так опростоволоситься.

Сказав это, Смурной решительно открыл дверцу шкафа, высунул одну ногу и... В этот момент дверь учительской распахнулась. На пороге стоял старший лейтенант Ворохватов собственной персоной. Володя настолько опешил, что чуть было не вывалился из шкафа, но вовремя спохватился и быстро залез обратно, тихонько прикрыв за собой дверцу.

– Та-ак, – протянул Ворохватов тоном, не обещающим ничего хорошего. – Компьютер включен. Так я и знал. Ничего доверять нельзя.

Иван Арнольдович прошествовал к столу, где еще минуту назад происходило застолье, провел рукой по гладкой полированной поверхности, потом зачем-то понюхал ладонь и довольно изрек:

– Пили, значит. Возьму на учет. Эх, и достанется же этому Мочиллову от начальства, а потом...

Что будет потом, Ворохватов сообщить не успел, потому что в этот момент раздался звон разбитого стекла, и все присутствующие в кабинете услышали стон и глухой звук, вызванный падением Ивана Арнольдовича на пол.

* * *

Федя не знал, сколько ему еще бродить по двору школы, ведь Мочиллов ничего об этом не сказал. Видимо, приказ нужно выполнять до тех пор, пока празднующие не покинут учительскую и не дадут ему, Феде, отбой. Вот Ганга и бродил по двору. Однако с каждой минутой задание ему все больше и больше переставало нравиться.

– Ты чего это, Федя, тут бродишь? – раздалась за спиной Ганги два совершенно одинаковых голоса.

Федя обернулся и увидел близнецов Утконесовых. Каждый из них держал в руках по большому свертку.

– Да я тут задание Мочилова выполняю, – замялся Ганга. – А это у вас что? – указывая на кульки, спросил он.

– Пирожки, – довольно откликнулся Антон. – Бабушка с собой из Калошина привезла, в гостинице-то стряпать негде. Хочешь? – протянул он сверток.

– Ну, если только один, – согласился скромный от природы Федя.

– Бери, бери, – не пожадничал Антон, разворачивая и протягивая другу пирожки.

– А что это за задание тебе Мочиллов дал? – подал голос Андрей.

– День рождения у него сегодня...

– Это мы знаем, сами же всей группой его поздравляли, – перебил Андрей.

– Ну да. А теперь он его отмечает в учительской, но только по-тихому, чтобы Ворохватов и начальство не узнали, – выложил добродушный Федя секретную информацию. – А меня поставили следить, чтобы кто лишний не зашел ненароком. Понятно?

– Понятно, – одновременно кивнули братья, а Антон добавил:

– Тогда и мы с тобой тоже будем задание выполнять. И тебе не так скучно, и нам будет чем заняться. Пусть Мочила как следует день рождения отметит. Можно?

– Наверное, можно, – немного подумав, согласился Ганга.

– Ой, смотрите, – вдруг зашептал Андрей, который с момента принятия ответственного задания начал пристально всматриваться в темноту. – Там кто-то идет.

Федя и Андрей повернули головы в указанном направлении и, к своему ужасу, увидели старшего лейтенанта Ворохватова, который прогулочным шагом, что-то напевая себе под нос, направлялся прямо к зданию школы.

– Наверняка в учительскую пойдет, – испугался Федя.

– Конечно, пойдет, – согласился Антон.

– А может, и не в учительскую, – робко предположил Андрей.

– Надо же Мочилу предупредить, – не слушая близнецов, заволновался Ганга. – Что же делать-то?

– Вы с Мочиловым договаривались о каком-нибудь условном сигнале? – деловито приступил к делу Андрей.

– Нет, – покачал головой Федя. – Он просто сказал, чтобы я в случае опасности дал ему знать, но как – не сообщил.

– Это плохо, – погрузнев, сказал Андрей. – Но надо же что-то делать, – он растерянно посмотрел на Федю и Антона.

– Я знаю что делать, – неожиданно придумал Антон. – Нужно им в окно что-нибудь кинуть, например, камешек.

– А если стекло разобьем? – усомнился в гениальности такой идеи Федя.

– Если и разобьем, то спишем все на ветер.

– Ветра-то нет, – усмехнулся Андрей.

– Сейчас нет, через минуту есть. Ветер, он такой, – мгновенно нашелся Антон.

– Ну, хорошо, – наконец согласился Федя. – Другого выхода у нас все равно нет.

Приняв решение ребята стремительно пересекли школьный двор и свернули за угол учебного корпуса – именно на ту сторону выходили окна учительской. Благо нужный кабинет был расположен на втором этаже, поэтому кидать камешки оказалось не очень высоко. Федя нагнулся, пошарил руками в траве и выудил оттуда маленький камешек.

– Нет, такой не пойдет, – покачав головой, произнес Андрей. – Они даже не поймут, что мы их предупредить хотим. Сейчас, – с этими словами он подбежал к куче мусора, оставшейся на заднем дворе после ремонта школы, покопался и достал довольно большой кусок штукатурки.

– Ого, – присвистнул Антон. – А вот этот в самый раз будет.

– Еще бы, – радостно улыбнулся Андрей, потом занял удобную позицию, размахнулся посильнее и со всей силы бросил кусок штукатурки в окно учительской.

Окно, как и предсказывал Федя, с грохотом разбилось. Но это было еще не все, за разбитым окном кто-то громко крикнул, причем так, у всех троих курсантов мурашки побежали по коже.

– Ты в кого-то попал, – обреченным тоном, произнес Федя. – А может, даже убил.

– Мамочка, – совсем по-детски, со слезами на глазах прошептал Андрей. – Я же не хотел.

– Андрей, если что, сваливай все на меня, – смело выступил на защиту брата Антон.

Однако жертвовать собой Антону не пришлось, потому что в это время второе, еще целое окно учительской распахнулось, и из него выглянул сам капитан Мочиллов. Его пьяная физиономия выражала крайнюю степень любопытства, мол, кто это там так камнем зарядил, что аж Ворохвата с ног свалил. Однако, увидев под окном курсантов из своей группы, Глеб Ефимович нахмурился и заорал:

– Вы чего это хулиганите, а?! Отвечайте, курсант Ганга! Решили меня укокошить?!

– Никак нет, товарищ капитан, – вытянувшись в струнку, резво отозвался Федя. – Хотели только вас предупредить о возможном появлении в учительской старшего лейтенанта Ворохвата.

– Ага, теперь он, наверное, только в образе бесплотного духа появляться будет, – злобно хмыкнул Мочиллов.

– Глеб Ефимович, с ним все в порядке, – донесся из окна учительской голос Володи Смурного.

– Ждите здесь, я сейчас спущусь, – бросил своим курсантам капитан и закрыл окно.

На самом деле с Ворохватовым действительно ничего страшного не случилось, правда, кусок штукатурки попал старшему лейтенанту в лоб, на котором теперь назревала огромная шишка, однако в остальном все было в порядке, если, конечно, не считать легкого обморока.

– И что теперь с ним делать? – прощупывая пульс «раненого» лейтенанта, спросил Володя.

– Посадим его к компьютеру, дадим в руки бутылку водки в качестве, так сказать, платы за моральный и физический ущерб, – предложил Садюкин.

– А может, как-нибудь без водки, – запротестовал было Мочиллов, которому очень жалко было отдавать драгоценную жидкость такому гадкому, по его мнению, человеку, каким был Ворохватов. Однако Фрол Петрович его остановил:

– Без водки никак не получится. Иначе он начнет потом искать тех, кто в него камнем зарядил. Тебе это надо?

– Не надо, – вздохнув, согласился Глеб Ефимович. – Только он же не знает, что кто-то камнем в окно кинул. Стекло могло же и ветром разбить.

– Точно, и как это я раньше не додумался, – обрадовался Садюкин. – Значит, камешек от греха подальше выкинем, – и он, подняв кусок штукатурки, швырнул его в разбитое окно.

Затем они втроем усадили Ворохвата за стол перед включенным компьютером, поставили перед ним недопитую бутылку с водкой и тихонько выскользнули из учительской.

Курсанты ждали Мочилова на заднем дворе, как и было приказано.

– Выношу тебе благодарность, курсант Ганга, – пожал Феде руку Глеб Ефимович, но в этот момент пошатнулся и чуть было не упал, благо Смурной его вовремя поддержал.

– Может, его до дома проводить, – предложил Федя. – А то мне кажется, что в таком состоянии он может и не дойти.

– Не смей меня провожать, – неожиданно протрезвел Мочиллов. – Я капитан милиции, а не подзаборный пьяница.

– Да пусть идет, – подошел к ним пьяненький, а потому очень добрый Садюкин. – Он сегодня именинник, а потому его желание – закон.

– Да, – кивнул Мочиллов. – А теперь быстро в общежитие, и чтобы завтра с утра были все готовы к торжественному построению.

Курсантам ничего другого не оставалось, как подчиниться приказу и отправится восвояси. Садюкин и Смурной тоже двинулись в свои комнаты – они жили в школьном общежитии, только в отдельном крыле. А вот капитан Мочиллов, который проживал в городе, пошатываясь, засеменил через школьный двор к выходу. Однако, не дойдя до главных ворот всего нескольких метров, Мочиллов неожиданно остановился и задумался. А думал он вот о чем. Выпил он сегодня предостаточно, и теперь организм требовал немедленного освобождения от

излишков жидкости. Только вот незадача: ближайший санузел находился в учебном корпусе школы милиции, а туда возвращаться капитану никак нельзя. Правда, туалет имеется еще и в общежитии, но там его могут увидеть практически все курсанты школы. Нет, этот вариант тоже не годится.

И тут взгляд Глеба Ефимовича неожиданно упал на ближайшие кусты, которые густой стеной огибали школьный забор.

– Ага, вот сюда-то мне и надо, – довольно пробормотал Мочиллов, направляясь к кустам.

Спрятавшись как можно тщательнее в ветвях, Глеб Ефимович расстегнул штаны, при этом из кармана на траву упало его удостоверение личности, и блаженно заулыбался. Только вот завершить начатое ему так и не удалось. Мочиллов даже не услышал шагов за своей спиной, он только почувствовал, как на голову ему обрушилось что-то тяжелое. На мгновение стало нестерпимо больно, а потом свет померк, и капитан начал проваливаться в блаженную темноту...

ГЛАВА 2

Веня Кулапудов обычно просыпался раньше всех. И делал он это вовсе не потому, что не хотелось подольше поспать, а просто ему нравились те минуты тишины и покоя, которые бывают только ранним утром, когда еще все спят. К тому же в этом раннем пробуждении имелось и свое большое преимущество. Дело в том, что каждое утро, ровно в шесть часов, капитан Мочиллов, что называется, открывал дверь с ноги и дико орал: «Подъем!» – затем зажигал спичку, во время горения которой все курсанты должны были подняться, одеться и построиться, и с наслаждением наблюдал за происходящим. А посмотреть было на что. Дикий крик Мочилова вызывал настоящую панику среди курсантов, которые спросонья никак не могли понять, что происходит, падали с кроватей, начинали искать свою одежду, в общем, устраивали настоящий переполох. И только Веня уже готовый к новому дню, быстро вставал, одевался и вытягивался перед своим капитаном, за что каждый раз получал похвалу в свой адрес.

Вот и сейчас Веня лежал и ждал, когда же послышатся тихие, крадущиеся шаги Мочилова за дверью. Однако время шло, все спали, а Глеб Ефимович так и не появлялся. Веня уже подумал было, что проснулся слишком рано. Он сел на кровати и схватил с тумбочки часы, которые показывали восемь минут седьмого. «Странно, – подумал Кулапудов. – Никогда еще не было такого, чтобы Мочила опоздал на утренний подъем. Хотя мало ли что могло случиться. Надо еще подождать». Веня снова лег, но тут же подскочил от сдавленного сонного хрипа:

– Веня, сколько времени?

Кулапудов повернул голову и увидел проснувшегося Леху Пешкодралова, который, приподняв над подушкой свою взлохмаченную голову, подслеповато таращился по сторонам.

– Десять минут седьмого, – тихо ответил Веня, стараясь не разбудить товарищей.

– А где Мочила? – протирая глаза, спросил Пешкодралов.

– Не знаю, сам удивляюсь. Мочила-то ведь никогда не опаздывал, – пожал плечами Кулапудов.

– Это точно, – согласился Леха, усаживаясь на кровати и сладко потягиваясь.

– Я вот думаю, может, с ним случилось что, а?

– Нет, с Мочилловым случиться ничего не может, – отрицательно покачал головой Леха. – Он слишком правильный.

– Думаешь? – с сомнением отозвался Веня.

– Уверен, – кивнул Пешкодралов и, прислушавшись, добавил: – А вот, кажется, и он.

За дверью действительно послышались чьи-то шаги, а через минуту дверь комнаты открылась, и в нее вошел старший лейтенант Ворохватов. При одном взгляде на него Веня и Леха чуть с кроватей не попадали. Мало того что Иван Арнольдович был взъерошен, взбешен и сыпал проклятиями, так у него еще и на лбу красовалась огромная шишка.

– Ну и где он?! – взревел Ворохватов, дико вращая глазами.

– Кто? – в один голос спросили Веня и Леха.

– Мочиллов.

– А мы сами не знаем, – попытался объяснить Веня. – Мы тоже удивлены, что его до сих пор нет, ведь сегодня торжественное построение.

– Вот именно! – снова зарычал Иван Арнольдович. – И как прикажете это понимать?

– Никак, – глуповато улыбнулся Пешкодралов. – Мы и права-то не имеем вам приказывать.

– Молчать, курсант Пешкодралов! – совсем вышел из себя Ворохватов. – Прекратите паясничать!

Естественно, что такие крики не могли не разбудить остальных курсантов. Они поочередно открывали глаза и с удивлением таращились на разворачивающуюся сцену. А Ворохватов тем временем все больше расходился.

– Кто из вас последним вчера видел капитана Мочилова? – спросил он.

– Я, – тихо отозвался Федя, которому не позволяла лгать врожденная честность.

– И я, – добавил Антон Утконесов.

– Я тоже видел, – присоединился Андрей.

– Так, и где вы его видели? – повернулся ко всем троим Иван Арнольдович.

– Возле учебного корпуса, – снова не стал врать Ганга. – Он как раз домой направлялся.

– А с кем вы его видели? – не отставал старший лейтенант.

– С Са... – начал было честный Федя, но Антон его перебил:

– Совершенно одного.

– Та-ак, – протянул Ворохватов. – Понятненько. Ну, это мы еще разберемся, один он был или не один.

– А почему вы так за него волнуетесь? – поинтересовался Сашка Дирол, который проснулся позже всех, но быстрее всех вник в суть разгорающегося конфликта.

– Почему волнуюсь?! Да потому что вчера Мочиллов был явно не один. Он вместе с Садюкиным и Смурным пил водку в учительской, да еще и мне потом бутылку подсунули.

– Откуда вы это узнали? – опешил Федя.

– А, Смурной раскололся, – махнул рукой Ворохватов. – Им еще за это влетит, но сейчас я не потому волнуюсь.

– А почему? – заинтересовался Пешкодралов.

– Да потому, что через два с половиной часа, как вы знаете, начнется торжественное построение, а вашего Мочилова я нигде не могу найти. Как сквозь землю провалился, честное слово. А ведь у него в папке осталась моя торжественная речь и не только моя, но и товарища Садюкина. Как же я теперь говорить-то буду? – Теперь уже Ворохватов не кричал, а просто жаловался, как маленький.

Наступила долгая пауза, во время которой в сердцах всех без исключения курсантов происходила серьезная борьба. С одной стороны они были рады, что с Ворохватовым случилась неприятность, потому что, честно говоря, Ивана Арнольдовича они не очень-то любили. Но с другой – Ворохватова было жалко, ведь ему предстояло выступать не только перед курсантами, но и перед многочисленными гостями. К тому же от его выступления зависела репутация школы милиции, а уж это действительно было святым.

– А хотите, мы вам поможем речь написать? – наконец предложил добрый Федя.

– А вы разве умеете? – недоверчиво посмотрел на него Ворохватов.

– А вы нам приблизительно расскажете, о чем нужно писать, а мы все сделаем, – подхватил идею Ганги Веня.

– Да я... – неожиданно замялся Ворохватов. – В общем, мне эту речь жена написала, у нее такие вещи всегда хорошо получались.

– А вот это уже плохо, – сочувственно покачал головой Кулапудов. – Ну, вы хоть приблизительно помните, о чем там говорилось.

Ворохватов надолго задумался, а потом произнес:

– Кажется, что-то о нравственности, морали и о том, как помогает наша школа все это поддерживать.

– Понятно, – обрадовался Веня. – Вот из этого и будем исходить. Через час мы вам, Иван Арнольдович, эту речь подготовим. А вы пока попробуйте все же Глеба Ефимовича разыскать.

– Смотрите у меня, – погрозил пальцем Ворохватов и вышел из комнаты.

– Федя, куда же Мочиллов-то подевался? – подскочил к Ганге Антон Утконесов, едва за Ворохватовым закрылась дверь.

– Не знаю, – расстроено протянул Федя. – Говорил же я вчера, надо его до дома проводить.

– Это вы о чем? – вклинился в разговор Веня, подозрительно глядя на друзей.

Феде ничего другого не оставалось, кроме как рассказать о вчерашнем праздновании дня рождения капитана Мочилова.

– Ну вы даете, ребята, – восхищенно протянул Кулапудов, когда Ганга закончил свой рассказ. – Самому Ворохватову штукатуркой в лоб залепить – это вам не пирожки трескать. То-то я смотрю, у него шишка во весь лоб.

– Ага, тебе смешно, а нам не очень, – надулся Федя. – Да еще и Мочила куда-то запропастился.

– Не переживай, – похлопал по плечу Гангу Дирол. – Похмелье у него, наверное, но к построению точно заявится.

– И если даже не заявится, то ничего страшного, речь мы Ворохватову и так напишем, – оптимистично заявил Кулапудов, после чего заметался по комнате, отдавая приказы: – Пока все собираются, Дирол будет мне помогать, а остальные пусть вносят свою лепту по мере возможности. Никто не стал спорить с Веней. Так уж повелось в группе, что принимал и отвечал за все важные решения обычно Кулапудов, что он и делал в этот раз.

Когда уже основная часть речи была готова, к ребятам в комнату вбежала Зося.

– Привет, – поздоровалась она. – А вы почему все здесь и даже на пробежке утренней не были?

– У нас особое задание, – важно проговорил Веня. – Мочилов исчез вместе с торжественной речью Ворохватова, а мы ее теперь по мере сил и возможностей восстанавливаем.

– Понятно, – кивнула девушка. – А Ворохватов, между прочим, до сих пор Мочилова ищет, чуть ли не к каждому курсанту пристаёт. И меня тоже спрашивал.

– Значит, он его не нашел, – сделал вывод Дирол. – Тогда приложим еще больше сил, чтобы написать речь к назначенному сроку.

– Веня, а можно тебя на минуточку? – проворковала Зося, многозначительно посмотрев на дверь.

Кулапудов замялся, покраснел, что-то начал бормотать, но тут понятливый Дирол хмыкнул и проговорил:

– Ладно уж, иди. А я тут сам без тебя пока поработаю.

– Спасибо, – еще больше смутился Веня и, не поднимая головы, прошмыгнул за дверь.

Сашка написал всего несколько строк, как в комнату вихрем ворвалась тетя Клава, повариша школьной столовой. Дирол был ее любимцем, потому что напоминал тете Клаве ее единственную и незабываемую любовь молодости – незабвенного парня Агафона. Она очень волновалась, когда Сашка по какой-либо причине не являлся на завтрак, обед или ужин, спрашивала о нем его одноклассников. Каково же ей стало, когда сегодня утром на завтрак не явился не только Сашка Дирол, но и все остальные курсанты из группы Мочилова. Тетя Клава поняла, что случилось страшное. Даже не дождавшись окончания завтрака и оставив голодными дюжину курсантов, она схватила кастрюлю с молочной рисовой кашей и помчалась в общежитие. Какова же была ее радость, когда она увидела своего любимца и его друзей здоровыми и невредимыми.

– Ребятки мои, – необычайно ласково пропела она. – А что же вы на завтрак-то не явились?

– У нас очень важное задание, тетя Клава, – ослепительно улыбнулся Дирол. – Готовим торжественную речь для старшего лейтенанта Ворохватова.

– Ну, слава богу, – облегченно выдохнула повариша. – А то я уж подумала, что беда случилась. А вам тут каши принесла.

– Где кашка? – вытягивая шею и причмокивая, спросил Леха. – Жить хорошо, когда кашка есть.

– Есть, да не про вашу честь, – мгновенно ошетинулась тетя Клава. – Сначала Сашеньку накормлю, а потом уже и вас.

– Тетя Клава, мне сейчас некогда, – взмолился Дирол. – Вы сначала ребят покормите, а потом уже и я поем.

– Действительно, – в один голос заговорили близнецы Утконесовы. – Почему это Саньке в первую очередь?

– Мы ведь тоже кушать хотим, – жалобно добавил Федя.

– Ну уж нет, – воспротивилась повариха. – Вы самое вкусное съедите, а Сашеньке одни объедки останутся.

– Дирол, да иди ты поешь, а я пока за тебя напишу, – взмолился Пешкодралов. – Только лопай быстрее и поменьше, чтобы нам досталось больше.

– Поговори мне еще! – прикрикнула на него тетя Клава. – Ишь ты, побольше ему захотелось! Иди, Сашенька, кушай, – поманила она пальцем Зубоскалина.

Тетя Клава поставила на стол кастрюлю, вытащила из кармана необъятного передника несколько тарелок и ложек и расставила все это на столе. Затем одну из тарелок она щедро наполнила кашей и уселась напротив Дирола, подперев щеку ладошкой, словно заботливая мамаша. Дирол поглощал кашу с такой скоростью, как будто соревновался на звание лучшего едока.

– Не торопись, – приказала тетя Клава. – Не хватало еще, чтобы ты подавился. Если будешь спешить, то друзья твои вообще голодными останутся, – пригрозила она.

Пришлось Диролу есть медленнее, то и дело при этом поглядывая на Пешкодралова. А Леха, высунув кончик языка, старательно выводил на бумаге какие-то каракули.

– Санек, а можно в заключение упомянуть нашу группу как образец нравственности и морали? – обратился Пешкодралов к Диролу.

– Наверное, можно, – немного подумав согласился Зубоскалин. – Чем мы не образец? С преступностью боремся, пропагандируем здоровый образ жизни.

– Хм, – иронично приподнял брови Федя.

– Ну ладно, ладно, – согласился с намеком Дирол. – Курим, ну, иногда пиво пьем, когда деньги есть. Но ведь мы же не пьяницы и не наркоманы, верно?

– Верно, Сашенька, верно, – поддакнула тетя Клава. – Ты лучше поменьше разговаривай и побольше кушай.

– Значит, пишу? – вопросительно посмотрел на друзей Леха.

– Пиши! – в один голос ответили остальные.

Санек доел свою кашу в ту минуту, когда Леха как раз дописал свою речь.

– Ну вот, все готово, – выдохнул он. – Наверняка Ворохватову понравится.

– Дирол, ты речь дописал? – ворвался в комнату Веня.

– Я дописал, – гордо выпятил грудь Пешкодралов.

– Давай ее сюда, Ворохватов к нам идет, – сообщил Кулапудов, выхватывая из рук Лехи листочек с речью и начиная быстро пробежать ее глазами.

Только до конца Веня так и не дочитал, потому что появился Ворохватов.

– Ну, и как у вас дела? – проговорил он.

– А у вас? – в тон ему хмыкнул Леха, но тут же, получив удар в бок от Вени, поправился: – То есть я хотел спросить, не нашли ли капитана Мочилова?

– Не нашел, черт бы его побрал, – чертыхнулся Иван Арнольдович, и это очень не понравилось курсантам. – А это, как я понимаю, новая речь, – он указал на листок, который держал в руках Кулапудов.

– Она самая, – кивнул Веня.

Ворохватов взял речь и принялся читать про себя. Курсанты застыли в ожидании, внимательно наблюдая за лицом старшего лейтенанта и надеясь увидеть на нем выражение крайнего восторга. Но надеждам этим не суждено было сбыться. Сначала, правда, лицо Ворохватова выражало одобрение – он кивал и улыбался. Но потом что-то случилось, и физиономия Ивана Арнольдовича начала краснеть, начиная с кончиков ушей и заканчивая кончиком мясистого носа. Ребята испуганно переглядывались между собой, но понять ничего не могли.

– Что э-то та-ко-е? – чеканя каждый слог и поднимая на курсантов, в частности на Веню, полные ярости глаза, спросил Ворохватов.

– Что? – не понял Веня.

– Я спрашиваю, что здесь написано? – дал не совсем полное объяснение старший лейтенант.

– Где? – снова не понял Кулапудов.

– Хорошо, я сам прочитаю. Здесь написано: «Особо следует выделить группу капитана Мочилова, потому что именно под его руководством курсанты успешно борются с преступностью и являются образцом морали и нравственности. Всем нужно равняться на капитана Мочилова и в особенности старшему лейтенанту Ворохватову», – изрек Иван Арнольдович.

– Ничего себе, – тихонько присвистнул Дирол, но вовремя замолчал, взглянув на Ворохватова, на котором, как говорится, лица не было.

– Так вот, значит, на кого мне равняться надо! – взревел он. – Это вот, значит, кто у нас образец нравственности и морали! Ну, Кулапудов, не ожидал я от тебя такого.

– Иван Арнольдович, это не я писал, – промямлил ничего не понимающий Веня.

– А кто написал?

– Я, – тихо подал голос Леха. – Я это... Простите меня, товарищ старший лейтенант. Я просто немного увлекся. А вы последние слова из речи выкиньте, и все будет хорошо, – робко посоветовал он.

– Я не слова выкину, я всю речь выкину! – заорал Ворохватов, разрывая листок на мелкие кусочки, к ужасу всех курсантов. – А ты, Пешкодралов, сейчас пойдешь домой к капитану Мочилкову и выяснишь, почему он до сих пор не явился, в крайнем случае забереешь мою речь и без нее можешь вообще не возвращаться. Понял?

– Понял, – вздохнул Пешкодралов. – А у капитана что, телефона дома нет? Ведь можно же никуда не ходить, а просто позвонить и узнать, где он.

– Звонили уже. Похоже, у него телефон сломан, – сообщил старший лейтенант.

– А как же торжественное построение? – не унимался Леха.

– Об этом можете забыть, – отрезал Иван Арнольдович. – Я думаю, построение состоится и без наших образцов нравственности и морали, на которые всем, видите ли, надо равняться, – передразнил он.

– За что вы их так, Иван Арнольдович? – неожиданно вступилась за ребят тетя Клава. – Подумаешь, похвалили себя немного. Они же еще молодые и глупые...

– А вы что тут делаете? – только сейчас заметил повариху старший лейтенант.

– Так я просто пришла, – растерялась тетя Клава. – Покормить ребят хотела, они же по вашей милости на завтрак не пошли.

– Ну уж нет, тетя Клава, – ехидно заулыбался Ворохватов. – Это они не по моей милости, а из-за безответственности капитана Мочилова на завтрак не попали.

– Мне до этого дела нет, – стояла на своем тетя Клава. – Заварили кашу, сами и расхлебывайте, а я уж пойду, мне еще обед праздничный готовить. Тетя Клава поднялась, под тоскливыми взглядами курсантов собрала тарелки, подхватила кастрюлю и прошествовала к двери. На пороге она обернулась и бросила:

– А вы, ребята, в любое время заходите, и я вас накормлю, раз уж такое дело, – она бросила напоследок презрительный взгляд в сторону Ворохватова, затем развернулась и хлопнула за собой дверь.

– Хорошо, тетя Клава, мы обязательно придем, – только и успел крикнуть ей вдогонку Пешкодралов.

– А ну-ка, марш выполнять задание! – гаркнул на него Ворохватов. – Остальным тоже искать Мочилова. Сдается мне, что не дошел он дома, а где-то на территории школы заночевал. Быстро все за мной.

Через минуту комната опустела и только мелкие кусочки гениальной речи группового сочинения напоминали о разыгравшемся здесь скандале.

* * *

– Равняйся! Смирно! – командовал Ворохватов, выстроив курсантов на заднем дворе школы.

– Вот раскомандовался, генерал недоделанный, – недовольно пробурчал Сашка Дирол.

– Ничего, придет Мочиллов, он покажет, кому тут командовать над нами можно, – успокоил его Веня.

– Есть очень хочется, – шепотом простонал Антон.

– И мне, – согласился с ним Андрей.

– Разговорчики! – рявкнул Ворохватов. – Какие имеются идеи насчет поисков капитана Мочилова? – обращаясь сразу ко всем, задал он вопрос.

Однако ни у кого никак идей не возникало, и тогда Иван Арнольдович, смерив взглядом Федю, спросил:

– Курсант Ганга, где, по-вашему, может находиться в данный момент Глеб Ефимович?

– В туалете, – не задумываясь, отчеканил Федя.

– В каком? – удивленно приподнял брови старший лейтенант.

– В своем, то есть в том, который находится в его квартире.

– Почему?

– Потому что, если вчера Мочиллов пил, то сегодня ему плохо, а когда человеку плохо, он всегда в туалет бежит... Ну, или лежит на кровати и страдает, – пояснил Федя.

– А еще похмеляется, – хмыкнул неугомонный Дирол, благо Ворохватов этой реплики не услышал.

– Так, с вами все ясно, курсант Ганга. А Зубоскалин что по этому поводу думает? – продолжал пытаться курсантов Иван Арнольдович.

– Я думаю так же, как и вы, – резво отозвался Санек.

– А откуда вы знаете, как я думаю? – удивился Ворохватов.

– Так вы же сами недавно сказали, мол, не дошел капитан Мочиллов до дома, а заночевал где-то в школе. Исходя из этого, нужно искать Глеба Ефимовича именно в закоулках школы, облазить все корпуса, проверить подсобки и пристройки.

– Молодец, Зубоскалин, – похвалил Ворохватов. – Вот ты этим и займешься вместе с Утконесовыми.

– Есть! – одновременно выкрикнули близнецы и Дирол.

– Вот здорово, – прошептал на ухо своему брату Антон. – В первую очередь пойдем искать Мочилова в столовую, а заодно и поедем.

– А нам с Федей что делать? – поинтересовался Веня.

– А Кулапудов и Ганга пойдут со мной на торжественное построение. Кто-то же все-таки из группы Мочилова должен там присутствовать.

– Ну вот, нам всегда все самое лучшее достается, – огорчился Веня.

– Ничего, зато с нас спроса меньше, – не стал унывать Федя, который до сих пор чувствовал огромную вину за то, что не проводил прошедшим вечером Мочилова до дома.

– А как же ваша речь? – не преминул вспомнить о насущном Дирол.

– Надеюсь, что Пешкодралов успеет ее вовремя принести. Ну а если не принесет, будем импровизировать. А теперь разойтись, – приказал Ворохватов, и всех курсантов как ветром сдуло. Остались только несчастные Кулапудов и Ганга.

ГЛАВА 3

Леха мчался на всех парах. Ему хотелось поскорее добраться до дома Мочилова, забрать эту треклятую речь Ворохвата, а потом бежать в столовую, где тетя Клава обещала щедро накормить обиженных курсантов. Правда, перед этим Лехе пришлось разыскать лейтенанта Смурного, который знал точный адрес Глеба Ефимовича, ведь Ворохватов забыл назвать улицу, дом и квартиру, а по второму разу обращаться к нему Пешкодралов побоялся.

Курсант останавливался у каждой таблички с названием той или иной улицы, но нужной пока не попадалось. Мочилов жил на улице Пулеметной, в доме под номером семь, в шестнадцатой квартире. Но где находится эта улица Пулеметная, Пешкодралов не знал. Он попытался было спросить у какой-то проходящей мимо бабульки, но та так запутала бедного парня, что Леха окончательно заблудился. Он выдохся, устал, был голоден и зол. Теперь он ненавидел капитана Мочилова почти так же, как Ворохватов.

И тут Леха почувствовал умопомрачительный запах пирожков. Желудок взревел так, что Пешкодралову даже стало страшно, что такой рев происходит у него внутри. Запах исходил от маленького ларечка на перекрестке. На крыше ларька висела красочная табличка «Выпечка, напитки, хот-доги». Пошарив в кармане брюк, Леха вытащил оттуда пригоршню мелочи, посчитал и с радостью обнаружил, что ему как раз хватит этих денег на маленькую бутылку минеральной воды и пирожок с капустой.

После этого он решительно направился к ларьку и, протянув продавщице мелочь, попросил:

– Мне бутылку минералки и пирожок с капустой.

Получив вожаемые еду и питье, Леха зажмурился от удовольствия, откусил сразу половину пирожка, запил глотком воды и только после этого открыл глаза. Такое наипростейшее действие тут же заставило Пешкодралова радостно вскрикнуть, прямо перед ним на стене дома, который стоял прямо на углу перекрестка, висела табличка с надписью «ул. Пулеметная», а чуть дальше другая табличка с большой семеркой, которая обозначала номер дома.

– Ура! Я ее все-таки нашел! – не удержавшись, радостно завопил Леха, чем вызвал полный подозрения взгляд продавщицы из ларька.

Однако Лехе уже было наплевать на то, что подумают о нем окружающие. Быстро проглотив остатки пирожка и допив минералку, Пешкодралов выбросил пустую бутылку в ближайшую урну и решительным шагом направился в один-единственный подъезд дома под номером семь. Шестнадцатую квартиру ему удалось обнаружить на четвертом этаже. Леха подобрался, сосредоточился и нажал на кнопку звонка. К удивлению курсанта, дверь ему открыли очень быстро, как будто только и ждали его появления. На пороге стояла невысокая и очень симпатичная женщина. Леха даже засмутился от такого приятного зрелища. А женщина тем временем с огромным интересом разглядывала Пешкодралова и молчала. Леха тоже молчал, не решаясь первым заговорить.

– А вы, собственно, к кому? – наконец подала голос чаровница. Голос этот оказался настолько мелодичным и нежным, что курсант окончательно смутился и покраснел.

Леха даже на мгновение забыл, зачем сюда явился, но тут же огромным усилием воли взяв себя в руки, он собрался с мыслями и выпалил:

– Мне нужен Глеб Ефимович Мочилов. Он дома?

– А-а, – разочарованно протянула женщина, – вы к Глебу, а я-то думала...

– Так он дома? – не совсем вежливо перебил ее Пешкодралов.

– Нет его, – мгновенно ошетинилась дамочка, и лицо ее при этом сделалось злющим-презлющим. – Муженек мой со вчерашнего дня дома не появлялся, алкаш несчастный. День рож-

дения, видите ли, ему обязательно нужно отметить с коллегами, а не дома с женой, как все нормальные люди делают.

«Так вот оно что, – подумал Леха. – Значит, это жена Мочилова. Хорошо же она к собственному мужу относится».

– А вы по какому вопросу его видеть хотели? – тем временем продолжала выпытывать хозяйка квартиры.

– Понимаете, – замялся курсант, – дело в том, что вашего мужа нигде нет. Мы просто не можем его найти, а он очень нужен, потому что у него важные бумаги.

– Так-так... Он еще и важные бумаги утащил, – уперев руки в бока и прищулив глаза, проговорила жена капитана.

Леха знал, что такая поза у представительниц слабой половины человечества ничего хорошего означать не может. Его мама всегда так делала, когда хотела кого-то – не будем тыкать пальцем – как следует отругать или даже отшлепать. Пешкодралов инстинктивно вжал голову в плечи, как обычно делал это в детстве, и приготовился бежать со всех ног. Однако дамочка была настроена решительно. Она схватила упирающегося Леху за руку и втащила в квартиру.

– Ну-ка, молодой человек, рассказывайте, что у вас там произошло, – потребовала женщина.

– Н-ничего не произошло, – заикаясь, промямлил курсант. – Мы знаем, что вчера товарищ капитан отмечал свой день рождения, но только сегодня он не пришел, а у нас ведь торжественное построение.

– Да, это действительно странно, – немного подумав, согласилась хозяйка. – Глеб каждый год напивается на свой день рождения и часто остается ночевать в школе, но чтобы не явиться на торжественное построение – это не в его правилах.

– Вот и мы так же подумали, – радостно закивал Леха. – Все заволновались, а старший лейтенант Ворохватов послал меня сюда, чтобы я узнал, нет ли капитана дома.

– Как видите, нет, – вздохнула дамочка. – Но если он вдруг объявится, обещайте мне, что немедленно об этом сообщите, – и она так сжала руку Лехи, что тот рисковал остаться инвалидом.

– Хорошо-хорошо, – поспешно согласился он. – Мы немедленно вам сообщим.

– Ну, идите же, идите, – отпустила курсанта женщина.

Леха даже не помнил, как выскочил из квартиры. В нем одновременно боролись два чувства: восхищение женой капитана Мочилова и страх перед этой хрупкой, но такой сильной и волевой женщиной. Оказавшись на улице, Леха кинулся бежать по направлению к школе. Теперь он уже мало думал о капитане Мочилове, о важной речи, о торжественном построении, о каше тети Клавы, в общем, обо всем, что занимало его мысли по дороге в дом под номером семь. Теперь он думал только о жене Глеба Ефимовича, которая покорила сердце юного курсанта. И мысли эти настолько овладели Пешкодраловым, что он даже не заметил, как чуть было не проскочил школу милиции. Хорошо еще, что он вовремя услышал доносящиеся из-за забора команды:

– Равняйся! Смирно!

Леха притормозил, развернулся на сто восемьдесят градусов и поспешил к входу, но тут же резко остановился. С другой стороны улицы прямо на него шло то страшное, чего больше всего на свете боялся Пешкодралов – Домна Мартеновна Залипхина со своими милейшим, а для Лехи противнейшим котом Мессиром.

Домна Мартеновна – дама сомнительной красоты и неопределенного возраста была очень романтической и до такой же степени истеричной. Леха вообще считал, что она сумасшедшая. А вот Домна Мартеновна была совершенно другого мнения о Пешкодралове – она его обожала, как сказочная принцесса своего прекрасного принца, полюбила его с первого же взгляда и теперь мечтала о том, чтобы тот ответил ей взаимностью. Залипхина была актрисой по при-

званию. Она обожала играть везде и всюду, а иногда так вживалась в придуманную роль, что даже сама начинала в нее верить. Она очень часто меняла сценические псевдонимы, а о ее нарядах можно написать целую книгу. Но если не вдаваться в длиннющие описания, то можно просто отметить, что на этот раз Домна Мартеновна вырядилась в длинный зеленый балахон и такую же зеленую шляпку с черным пером, выдранном, как подозревал Леха, из хвоста местной вороны.

Леха не знал, что принесло Залипхину в этот ранний час к школе милиции, но вполне догадывался. Наверняка сумасшедшая мадам притащилась, чтобы поглядеть, как он, Леха, будет участвовать в торжественном построении, ведь вход-то сегодня разрешен всем желающим. Пешкодралову меньше всего хотелось лицеизреть в этот и так не совсем приятный день Домну Мартеновну. А потому он, низко опустив голову, набычился и быстро пошел к воротам. В этот момент Леха был похож на барана, собравшегося штурмом взять новый ворота.

Только вот Домну Мартеновну такое представление не прониало. Она быстро смекнула, кто это такой «хмуренький» мимо нее идет. Прижав к себе покрепче Мессира, Домна Мартеновна дождалась, когда Пешкодралов с ней поравняется, а потом резво подставила своему любимцу ногу. Леха, не ожидавший такого коварного хода, споткнулся, попытался удержаться на ногах, закачался и, наконец, полетел прямо на асфальт. Залипхина только этого и ждала. Всплеснув руками, она кинулась поднимать курсанта.

– Ай-ай-ай, – причитала Домна Мартеновна. – Ну как же можно так спешить?

Леха, утирая испачканный в пыли нос, исподлобья посмотрел на свою коварную мучительницу. Залипхина же, заглянув в лицо своей жертве, немедленно изобразила узнавание и кинулась к Лехе на шею со словами:

– О, мой возлюбленный! Это ты так некрасиво упал. Если хочешь, я pošлю проклятие на головы тех, кто поставил на твоём пути невидимую преграду, кто захотел покуситься на твою драгоценную жизнь...

– Никто на меня не покушался, – пробурчал Пешкодралов, тщетно пытаясь высвободиться из цепких объятий Домны Мартеновны.

– Но ведь ты упал на ровном месте, – не поверила словам курсанта Залипхина. – А так не бывает. Значит, это происки твоих врагов. Нет, даже наших с тобой врагов, которые даже решили пойти на убийство, только бы не позволить нам быть вместе.

– Извините, – попытался снова отцепить руки Домны Мартеновны от своей шеи Леха, – но мне нужно идти, иначе начальство ругаться будет.

– Да-да, конечно, – страстно зашептала Домна Мартеновна, прижимаясь головой к Лехиной груди. – Я не могу позволить, чтобы ты не выполнил своего долга перед Отечеством из-за меня.

Залипхина своей шляпой полностью закрыла лицо Пешкодралова, и тому с каждой минутой все тяжелее становилось дышать. К тому же воронье перо залезло Лехе в нос и при каждом движении Домны Мартеновны жутко щекоталось. Пешкодралов снова попытался освободиться, но не тут-то было. Залипхина намертво прилипла головой к его груди. Леха дернулся в одну сторону, потом в другую, но стало только еще хуже – кончик пера окончательно залез ему в нос. Леха дернулся, лицо его перекосилось, еще секунду он морщился, а потом громко, от всей души чихнул.

Домна Мартеновна вздрогнула и наконец отстранилась от Пешкодралова. Лицо ее при этом выражало крайнее удивление. Зато морда ее кота Мессира была далеко не такой удивленной – он был просто в гневе. Еще бы! Он ненавидел Пешкодралова с самой первой встречи настолько, насколько Домна Мартеновна его любила. И тут этот, по мнению Мессира, ушастый выскочка человеческого рода, посмел чихнуть на его любимую хозяйку.

Ну какой же кот вынесет такое! И Мессир не вынес. Выпустив когти и устрашающе зашипев, он отважно бросился на Пешкодралова, вцепившись в его грудь, к которой всего секунду назад так страстно прижималась Домна Мартеновна.

Леха взвыл и закрутился на месте, пытаясь сбросить с себя разъяренное животное. Но кот никак не хотел отпускать своего врага. Он утробно урчал и пытался одной лапой достать до Лехиных глаз. Домна Мартеновна, в надежде помочь своему прекрасному принцу, несколько минут побегала вокруг сцепившихся человека и кота, а затем, видимо, решив пойти на крайние меры, прицелилась, схватила кота за хвост и резко дернула на себя. Дикий кошачий вопль огласил ближайшие окрестности, даже за воротами школы милиции, где секунду назад стоял невообразимый шум, теперь стало тихо. Домна Мартеновна прижимала к себе обиженного Мессира, а Леха, не став дожидаться, когда эта сумасшедшая парочка придет в себя, бросился в ближайшие кусты у забора, подумав, что таким образом он уж точно спрячется от Залипхиной и ее бешеного кота.

* * *

Пока Леха бегал домой к капитану Мочилову, Дирол и близнецы Утконесовы с точностью выполняли приказание старшего лейтенанта Ворохватова, тот есть искали пропавшего Глеба Ефимовича. Правда, при этом они не забывали и о своих насущных потребностях, по крайней мере близнецы. Из-за этого мнения Утконесовых и Зубоскалина на дальнейшие действия разделились. Сашка немедленно хотел начать поиски капитана Мочилова, провести опрос всех попадающихся на пути курсантов, осмотреть все укромные уголки школы милиции. Близнецы же были ужасно голодны в отличие от сытого Дирола и хотели немедленно направиться в столовую. Как говорится, сытый голодного не разумеет. Вот и произошло великое противостояние Утконесовы – Зубоскалин.

– Поесть можно и потом, – менторским тоном вещал Дирол. – Как же вам не стыдно? Капитан пропал, а вам бы все пожарть.

– На голодный желудок ничего не найдешь, – невозмутимо отвечал Андрей. – Тебе хорошо, ты с утра поел.

– Да вы же сами меня заставили, – возмутился Санек.

– Не мы заставили, обстоятельства потребовали, – поправил его Антон. – Я вообще не понимаю, из-за чего мы этот спор ведем. Ты хочешь искать Мочилова?

– Хочу, – кивнул Зубоскалин, не понимая, к чему клонит его сокурсник.

– А мы хотим поесть. Так почему бы не совместить приятное с полезным?

– Это каким же образом? – уставился на Антона Санек.

– Ты поищешь в столовой, а мы пока быстренько позавтракаем, – разъяснил наконец свою идею Антон.

– Где там, в столовой искать-то? – начал злиться Дирол. – Обеденный зал и кухня – вот и все тайники.

– Э, нет, ты не прав, там еще и кладовочки всякие имеются, – поддержал брата Андрей. – К тому же нам тетя Клава ни за что не позволит в своих владениях обыск устраивать, а тебя она любит, потому и разрешит.

Дирола такие доводы, по все видимости, убедили. Он подумал с минуту, а потом махнул рукой.

– Ладно, так и быть, пойдем в столовую.

– Ура! – закричали близнецы. – Да здравствует человеческий разум!

В столовой было тихо – все курсанты и преподаватели принимали участие в торжественном построении. Тетя Клава была в кухне. Что-то тихонько напевая себе под нос, она помещивала огромным половником в кастрюле, из которой доносился аромат мясного бульона.

– Тетя Клава, – тихонько позвал повариху Дирол.

– Ой, Сашенька, – обрадовалась женщина. – Что, крепко вам досталось от Ворохватова?

– Ага, – широко улыбнулся Зубоскалин. – Он нас послал Мочилова искать.

– Где?

– Да везде. Сказал, чтобы и в столовой каждый уголок проверили, – глазом не моргнув, соврал Санек.

– В столовой? – удивленно протянула повариха. – Нет, здесь его точно нет. Уж я бы заметила.

– Мы только приказ выполняем, – погрустнел Дирол и опустил голову.

У тети Клавы аж сердце защемило при виде несчастного лица своего любимца. Она готова была пойти на что угодно, лишь бы видеть эту белоснежную улыбку, так напоминающую ей улыбку незабвенного Агафона.

– Ну, не расстраивайся, Сашенька. Надо, значит, надо. Ищи где хочешь, – выдохнула тетя Клава.

– Спасибо вам, – в благодарность Дирол снова растянул рот в улыбке. – А еще можно вас кое о чем попросить?

– О чем угодно, – щедро позволила повариха.

– Ребята ведь так и не позавтракали сегодня, – Санек указал на мнующихся за его спиной близнецов, – а вы обещали, что покормите в любое время.

– Ну, раз обещала, значит покормлю, – уже не так тепло отозвалась женщина и, повернувшись к Уктонесовым, скомандовала: – Идите-ка сюда. Будете есть в кухне, чтобы в обеденном зале столы не пачкать.

Но близнецов это не испугало. Они были настолько голодны, что могли есть даже стоя на голове.

Пока близнецы поглощали остатки утренней каши, Дирол начал методично исследовать внутренности столовой. Прежде всего он тщательно осмотрел обеденный зал, но, к сожалению, так ничего и не нашел. Стулья, столы, маленький посудный шкаф в углу – вот и все убранство зала. Пришлось переходить непосредственно к самой кухне. Заглянув под все столы, перевернутые вверх дном пищевые баки и кастрюли, Зубоскалин замер в нерешительности.

– А ты в шкафах посмотри, – подсказала тетя Клава. – В шкафах иногда чего только не найдешь.

– Верно, – обрадовался Дирол и принялся открывать дверцы шкафов.

Только и это не принесло никаких положительных результатов. Здесь действительно было очень много полезных вещей, начиная с посуды и заканчивая недавно сдохшей мышью, но не было капитана Мочилова.

– А еще какие-нибудь помещения в здании столовой есть? – теряя надежду, спросил Дирол.

– А как же? Вот там за шторкой, кладовка есть, – указала тетя Клава на цветастую занавеску на стене.

Дирол прошел в указанном направлении и через секунду оказался в темной комнатухе, заваленной коробками с макаронами, крупами, банками консервов.

– Что там? – спросил из кухни Антон Уктонесов.

– Ничего, – откликнулся Санек. – То есть тут, конечно, много всего, но Мочилова не видно.

Дирол с минуту вглядывался в темноту, потом вздохнул и вернулся в кухню.

– Нет его нигде, – развел он руками.

– Жалко, – посочувствовала тетя Клава.

– Значит, будем искать в других местах, – не стал отчаиваться Андрей. – Ну, мы поели. Спасибо, тетя Клава. Теперь можно искать Мочилова втроем.

Покинув столовую, курсанты решили разделиться. Близнецам казалось, что Мочиллов где-то в учебном корпусе, а вот Дирол намерен был обыскать территорию, окружающую здания. Через минуту Зубоскалин уже осматривал ближайшие кусты, старательно высматривая хоть что-то, напоминающее о том, что здесь, возможно, проходил капитан Мочиллов. И тут он увидел летящего прямо на него Пешкодралова с вытаращенными глазами...

* * *

Леха бежал, продираясь через колючие ветки кустов. В голове билась только одна мысль: «Только убежать от этой сумасшедшей и ее кота». И ведь как же хорошо все шло. Пусть он и не нашел капитана Мочилова, пусть не принес торжественную речь Ворохватова, но зато он встретил такую женщину! И тут эта Домна Мартеновна со своим бешеным котом. Вот невезение.

Пешкодралов так расстроился, что даже во второй уже раз за сегодняшнее утро споткнулся и упал, растянувшись на траве. Трава оказалась мокрой и противной. Чертыхаясь и посылая проклятия в адрес Залипхиной и ее кота, Леха поднялся и принялся неистово отряхиваться. В этот момент взгляд его упал на странный предмет, лежащий возле ближайшего куста. Курсант наклонился, пригляделся, а потом взял вещичку. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что вещичка эта не что иное, как милицееское удостоверение на имя Глеба Ефимовича Мочилова капитана милиции. Удостоверение тоже было мокрым, но не от утренней росы, а от крови. Лешка посмотрел на свои руки и брезгливо принялся вытирать их о листву. Так вот оно, оказывается, что! Мочиллов был здесь и выронил свое удостоверение. Но почему оно в крови? Осененный страшной догадкой, Леха принялся внимательно осматриваться и нашел, наконец, то, что искал, – из-под куста торчала ободранная палка.

Пешкодралов вытащил ее и стал внимательно изучать. Так и есть, на одном конце палки виднелись темно-бурые пятна. Значит, с Мочилловым случилось какое-то несчастье. Может, его похитили, а может, даже убили...

Леха так испугался собственного открытия, что чуть не закричал, но вовремя сдержался. Вдруг преступник где-то поблизости, а он спугнет его своим криком.

– Так что же я стою, – пробормотал себе под нос курсант. – Надо же немедленно предпринимать какие-то меры, искать преступника. Хотя нет, лучше сначала рассказать об этом остальным. Быстрее к ребятам! – и Леха побежал.

Он бы несомненно сбил с ног появившегося на пути Зубоскалина, если бы тот вовремя не отпрыгнул в сторону.

– Леха, ты что, привидение увидел?! Ты же меня чуть не снес! – заорал на него разгневанный Дирол.

– Хуже, хуже привидения увидел, – вытаращив глаза, затараторил Пешкодралов. – Вот, посмотри, что я нашел, – он протянул другу удостоверение и окровавленную палку.

Зубоскалин взял удостоверение, открыл, прочитал и поднял испуганные глаза на Леху.

– Ты где это взял? – шепотом спросил он.

– В кустах у забора, – так же шепотом ответил Пешкодралов. – А еще там вот эта палка осталась, на которой следы крови... Возможно, даже крови Мочилова.

– Идиот! – неожиданно простонал Санек.

– Кто идиот? – не понял Леха.

– Ты идиот, – грубо отозвался Дирол. – Это же улики, понимаешь? А ты их с места сдвинул, руками трогал. Ты думаешь теперь тебя начальство по головке за это погладит?

– Точно, – опешил Пешкодралов. – А я и не подумал о том, что на месте преступления ничего трогать нельзя. Просто я так испугался...

– Ладно, сделанного не вернешь, – махнул рукой Зубоскалин.

– Слушай, а давай мы все отнесем на место и положим, как было, – нашел выход из создавшейся ситуации Леха.

– А как же отпечатки пальцев? – подозрительно прищурился на него Санек.

– Мы их вытрем, – пожал плечами Пешкодралов.

– Ну, я же говорю, идиот, – хлопнул в ладоши Дирол. – Ты же вместе со своими и моими отпечатками еще и отпечатки преступника вытрешь!

– И правда, – искренне огорчился Леха. – А что же делать?

– Идти к Ворохватову и во всем виниться.

– Не пойду.

– Пойдешь.

– Не пойду, – и Леха начал медленно пятиться назад.

– А я говорю, пойдешь, – стал надвигаться на него Зубоскалин.

Возможно, эти препирательства и переросли бы в драку, если бы вовремя не появились близнецы Утконесовы.

– Ребята, что это у вас тут случилось? – спросил Андрей.

– Да вот, этот придурок дел натворил, а теперь отвечать отказывается, – огрызнулся Санек.

– Сам ты придурок, – обиженно бросил Леха. – Я же не со зла натворил, а от испуга.

– Ну-ка, рассказывайте, что произошло? – прервал спорщиков Андрей.

Пришлось Диролу с Пешкодраловым рассказать о страшных находках в кустах у забора.

– Да-а, – протянул после услышанного Андрей.

– Да-а, – эхом повторил Антон.

– На этом удостоверении теперь столько отпечатков, сколько на поручнях в автобусе. Дирол прав, лучше пойти к Ворохватову и все ему честно рассказать, – проговорил Андрей.

– Не пойду, – снова принялся за свое Пешкодралов.

– Тогда мы сами пойдем и все расскажем, – пригрозил Дирол.

Леха посмотрел затравленным взглядом на своих товарищей в надежде снискать сочувствия, но так и не обнаружив его, обреченно вздохнул:

– Ладно, пойдемте, – и волоча за собой окровавленную палку, поплелся к учебному корпусу.

* * *

Перед учебным корпусом всюду шло торжественное построение.

Курсанты, одетые в парадную форму, маршировали, выполняли команды «смирно», «налево», «направо», «равняйся», и делали еще много чего, дабы усладить зрение многочисленных гостей и высшего начальства. Когда же наконец курсанты выстроились в длинные шеренги и замерли, вытянувшись в струнку, наступила очередь преподавателей школы поздравлять своих учеников с началом нового учебного года и зачитывать торжественные речи по этому поводу.

Первым выступал Садюкин. Видимо, по той простой причине, что его уже написанная речь осталась у пропавшего Мочилова, Фрол Петрович была крайне немногословен. К тому же после вчерашнего застолья голова у него так болела, несмотря на выпитую утром бутылку пива, что говорить тем более не хотелось. Он вышел к микрофону, долго кряхтел, собираясь с мыслями, а потом выдал:

– Учитесь отлично и жить будете прилично, – и замолчал.

Все замерли, не понимая, к чему это было сказано. Но тут вдруг раздались аплодисменты, и кто-то тоненьким голоском заверещал:

– Bravo! Bravo! Как великолепно он сказал!

Это была Домна Мартеновна Залипхина, которая уже успела оправиться от встречи с Пешкодраловым и теперь вклинилась в толпу зрителей, состоявшую в основном из родственников курсантов. Как ни странно, но крики Залипхиной возымели большой успех, и все зааплодировали вместе с ней.

Садюкин скромно поклонился и спрятался за спиной Володи Смурного. Теперь настала очередь Ворохватова говорить речь. Он стоял у микрофона, а по бокам от него, словно телохранители, возвышались Ганга и Кулапудов.

– Если что, будете мне подсказывать, – прошептал им Ворохватов.

– Непременно, Иван Арнольдович, – лучезарно улыбнулся Веня.

– Дорогие курсанты, – начал говорить Иван Арнольдович.

– А также их родители, – подсказал Кулапудов.

– А также их родители и другие гости, – покорно повторил Ворохватов. – Еще один учебный год начинается в нашей школе милиции.

– И в других школах тоже, – шепнул Ганга.

– И в других школах тоже, – как попугай повторил старший лейтенант. – Наша школа всегда отстаивала критерии нравственности и морали. Мы боремся с преступностью и не позволяем ее тленным щупальцам пробраться в сердце общества. У нас нет любимцев или наоборот. В нашей школе учатся те, кто любит и чтит закон, будь то белый человек, – он указал на Кулапудова, – или черный, – повернулся Ворохватов к Ганге, на которого все моментально уставились.

– Иван Арнольдович, можно уже и закругляться, – сквозь зубы пробормотал смущенный Федя, который очень не любил излишнего внимания к своей персоне.

– Так вот, давайте же любить закон и всеми силами стараться не допускать его нарушений, – послушавшись Гангу, закончил Иван Арнольдович.

Он отошел от микрофона и накинудся на Федю с Веней:

– Вы чего это мне всякую белиберду шептали?!

– Так вы же сами просили подсказывать, вот мы и подсказывали, – развел руками Веня.

– А по-моему, очень хорошо получилось, – проговорил Ганга. – Иван Арнольдович, вы только послушайте, как все хлопают.

Ворохватову действительно хлопали долго и громко, и это немного успокоило старшего лейтенанта.

– Но все равно капитан Мочиллов еще получит за свою безответственность, – вспомнил злопамятный Иван Арнольдович. – Уж я об этом позабочусь.

– Может, уже и не ответит, – раздался за спиной голос Сашки Дирола.

Ворохватов обернулся и увидел Зубоскалина, Пешкодралова, держащего какую-то корягу в руке, и близнецов Утконесовых. Теперь вся группа капитана Мочилова снова была в сборе.

– Что ты сказал? – не расслышал Иван Арнольдович.

– Я сказал, что, возможно, Глеб Ефимович уже ни за что никогда не ответит, – повторил Дирол.

– Это почему? – прищурился Ворохватов.

– Да потому, что его убили, – выдал Сашка.

– Как? – одновременно выдохнули Ганга и Кулапудов.

– Мы вам все расскажем, но только нужно уйти отсюда, – проговорил Антон Утконесов.

– Тогда немедленно все в учительскую, там сейчас как раз никого нет, – скомандовал Ворохватов и первым кинулся в здание школы.

ГЛАВА 4

– Значит, улики с места преступления стащили! Молодцы, нечего сказать! – надрывался Иван Арнольдович, услышав от Леха всю историю его утренних приключений от начала до конца. – И что прикажете теперь делать, умники?

– Надо милицию подключать, дело-то серьезное, – глубокомысленно изрек Веня.

– Ага, вас же, дураков, и посадят, – ехидно заметил Иван Арнольдович. – А что, бывало и такое. В истории значатся случаи, когда ученики собственного учителя до смерти прибивали.

– Да вы что?! – вытаращил глаза Дирол. – Мы на Глеба Ефимовича не то что руку, палец никогда бы не подняли.

– А вы попытайтесь работникам правоохранительных органов доказать, когда на удостоверении и на палке этой отпечатки пальцев твоих, Зубоскалин, и Пешкодралова, – высказал неоспоримый аргумент Ворохватов.

– А как же тогда быть, Иван Арнольдович? – растерянно спросил Ганга.

– Будем сами это дело распутывать, – после недолгого раздумья вынес решение Ворохватов. – Никто, слышите, никто не должен знать, что капитан Мочиллов исчез.

– Он не исчез, – вмешался неугомонный Зубоскалин. – Его похитили или убили.

– Неважно, – отмахнулся Иван Арнольдович. – Все равно никто ничего не должен знать, пока мы не раскроем это дело.

Будем искать похитителя... или убийцу.

– Чтобы искать убийцу, надо сначала найти труп, то есть вещественное доказательство того, что преступник действительно убил, – заметил Кулапудов.

– Будем искать все одновременно, – категорично заявил Ворохватов. – Итак, жду от вас версии преступления. Через два часа я к вам зайду.

– А что про Мочилова нам говорить? – поинтересовался Кулапудов.

– Всем говорите, что он заболел, – быстро нашелся Ворохватов. – А преподавателей я сам оповещу. Поняли?

– Поняли, – хором ответили курсанты.

– Тогда идите.

* * *

– Ну и что вы обо всем этом думаете? – задал вопрос Веня, когда курсанты вновь оказались в своей комнате.

Однако все упорно молчали, отказываясь следовать точному приказу Ворохватова, то есть выдвигать версии неожиданного исчезновения капитана Мочилова.

– Не знаете?! – прорычал Кулапудов, но тут же, поймав укоризненный взгляд Феди, сник и пробормотал: – Я тоже не знаю.

– Да ведь и дураку понятно, что здесь свершилось преступление, а именно, похищение капитана Мочилова или его незаконное лишение свободы, – с самым что ни на есть глубокомысленным видом начал излагать Дирол.

– Ну, – подтолкнул его Веня.

– Что? – не понял Зубоскалин.

– Похитили его, и что?

– А то, что сделал это человек, которому Мочила чем-то не угодил, – продолжил Санек. – Видимо, сильно насолил ему Глеб Ефимович, раз уж эта, так сказать, преступная личность, решила пойти на похищение человека.

– И кто эта личность? – теряя терпение, спросил Кулапудов. – Скажи-ка нам.

– А я-то откуда знаю?! – вспыхнул Дирол. – Ты просил версию, вот я и пытаюсь ее разрабатывать.

– Хорошо, – кивнул Веня. – Разрабатывай дальше.

– Я, собственно, уже все сказал, – выдал Санек и обиженно насупился.

– Так, с тобой все ясно, – не стал идти ему навстречу Кулапудов. – Другие могут что-нибудь сказать? – окинул он взглядом присутствующих.

Однако все так и продолжали молчать. Пешкодралов, получивший хороший нагоняй от друзей и Ворохватова, с видом больного, находящегося при последнем издыхании, лежал на своей кровати и смотрел в потолок, совершенно отказываясь реагировать на любые внешние раздражители. Федя с сочувствием глядел то на Леху, то на обиженного Дирола и боялся смотреть Вене в глаза. Выражения лиц обоих Утконесовых были очень задумчивыми и серьезными.

Кулапудов вздохнул и уселся на свою кровать со словами:

– Да ну вас всех. Сами и отчитывайтесь перед Ворохватовым. Кстати, полчаса уже прошли.

Сказав это, Веня отвернулся к окну и замолчал. Теперь в комнате на одного обиженного стало больше. Кто знает, чем бы закончился этот совет курсантов, если бы в комнату не вошла Зося.

– Ребята, начальство сегодня вечером обещало устроить маленький салют. Вот здорово... – Зося осеклась, увидев печальные и озабоченные лица ребят. – Ой, а что это у вас случилось? – через секунду спросила она.

Все молчали, и только Федя, подняв на девушку полные скорби глаза, проговорил:

– Потеряли мы капитана.

– Чего? – не поняла Зося.

– Нет больше Мочилы, – все тем же траурным тоном пояснил Ганга.

– Как это нет?

– Это еще большой вопрос: нет или есть, – будучи не в силах слышать подобных слов о любимом капитане, вмешался Дирол.

– Да что здесь происходит? – окончательно запуталась Зося. – Кто-нибудь мне может объяснить? Веня!

Кулапудов отвернулся от окна и сказал:

– А происходит то, что Мочилу кто-то похитил, может, и убил.

– Вот это да! – ахнула Красноодеальная. – Ну-ка, рассказывайте мне все по порядку.

Пришлось курсантам от начала и до конца выложить Зосе всю историю исчезновения капитана Мочилова, включая и находку Пешкодралова в кустах у забора школы.

– Очень странная история, – высказала свое мнение Зося, после того как рассказ был завершен. – А почему вы такие угнетенные сидите? Нужно же действовать.

– А мы не угнетенные, – откликнулся Дирол. – Мы обиженные. Венька из нас версии вытягивает, а они не вытягиваются.

– Ничего я из вас не вытягиваю. Посмотрю я, что вы Ворохватову скажете, когда он придет через... сорок пять с половиной минут, – проговорил Кулапудов, взглянув на часы. Вот он-то вам покажет, как нужно версии вытягивать.

– Ты мне что, угрожаешь? – набычился Дирол.

– Не угрожаю, а предупреждаю, – нисколько не испугался его Веня.

– Ребята, ребята, не ссорьтесь, – вмешалась Зося, которая терпеть не могла конфликтов. – Если вы будете ссориться, то Мочила уж точно не найдется. Давайте начнем все по порядку. Мочилов мог похитить человек, которому капитан чем-то не угодил. Так?

– Так, – согласились все, а Дирол добавил: – Не просто не угодил, а сделал какую-то фантастическую гадость.

– Хорошо, – кивнула Зося. – А кому мог Мочила сделать такую фантастическую гадость в первую очередь?

– Кому-то, с кем ему часто приходится иметь дело и кто его довел, как говорится, до белого каления, – подумав, высказался Федя.

– Вот именно, – снова согласилась Красноодеядьская. – А теперь надо подумать, кто чаще всего доводил Глеба Ефимовича до белого каления.

– Ворохватов, – не задумываясь, в один голос сказали близнецы.

– Не пойдет, – махнул рукой Веня. – Он на такое не способен.

– А может, способен, – не согласился с ним Дирол. – Неспроста он нам запретил про исчезновение Мочилова кому-либо рассказывать. Сам, наверное, Глеба Ефимович похитил, а потому для отвода глаз на нас собак спустил и заставил это дело распутывать, – все больше увлекался он собственными фантазиями.

– Санек, остановись, чепуху ты какую-то городишь, – оборвал его Кулапудов. – Не мог Ворохватов Мочилу похитить, и все.

– Ну тогда сами придумывайте, – снова обиделся Дирол.

– А что, если это кто-то из курсантов? – несмело выдвинул собственное предположение Федя. – Глеб Ефимович – преподаватель хороший, но очень строгий. Может, он наказал какого-нибудь курсанта за провинность, а тот решил ему отомстить. Люди-то, знаете, какие обидчивые бывают. Вот мне однажды мужик какой-то...

– Федя, ты извини, но твою историю мы в следующий раз послушаем. У нас времени не остается, – перебила его Зося. – Однако я не думаю, что это кто-то из курсантов.

– Почему? – посмотрел на нее Ганга.

– Да потому что похищение человека – слишком рискованный поступок в качестве мести за порицание, – пояснила девушка. – Других мотивов я, к сожалению, не вижу.

– Зато я вижу, – проговорил Веня, после долгого раздумья. – Может быть и так, что Мочилу похитили из зависти.

– А при чем тут зависть? – спросил Антон Утконесов. – Красоте Мочиловы завидовать, что ли? Так физиономия Глеба Ефимовича мало чем отличалась от морды орангутанга.

– При чем тут красота? – снова начал кипятился Кулапудов. – Завидовали, что у него всегда все лучше всех получается, да и группа у него самая лучшая, – не без гордости заметил он.

– Сам себя не похвалишь... – начал было скромный Федя, но Веня перебил его:

– Я не себя хвалю и даже не нас, а Глеба Ефимовича. Если бы не он, разве раскрыли бы мы столько преступлений?

– Вряд ли, – вздохнул Андрей Утконесов.

– Он нас всегда наставлял, – добавил Антон.

– Помогал, – вторил ему Федя.

– И вообще, Мочила классный мужик, – закончил хвалебную речь Дирол.

– То-то и оно, – поднял указательный палец вверх Кулапудов. – А кому-то это очень сильно не нравилось. Вот и решили злоумышленники нам жизнь испортить путем похищения нашего главного наставника и учителя. Как тебе такой мотив, Зося?

– Вполне логично, – согласилась девушка. – Придется проверить эту версию.

– А как? – задал вполне резонный вопрос Зубоскалин.

– Сначала надо последить за курсантами из других групп, – после некоторого раздумья предложил Веня. – И делать это следует в местах их общего скопления, то есть в столовой, ну или еще где-то.

– Так, одна версия готова, – подвела итог Зося. – Но могут быть и другие.

– Я могу еще одну версию предложить, – очнулся вдруг от забвения Пешкодралов. – Это любовник его жены.

– Чего? – одновременно вытаращили на него глаза все присутствующие в комнате.

– Видели бы вы эту женщину, – не обращая внимания на изумление друзей, мечтательно протянул Леха. – Сильная, как Майк Тайсон, красивая, как Синди Кроуфорд. Возле нее, наверное, мужчины так и выются.

– Ого, – хохотнул Дирол, – наш Леха, кажется, влюбился.

– Влюбился, – покорно согласился Пешкодралов. – А что, нельзя? – Можно, можно, – великодушно позволил Веня. – Только почему ты думаешь, что это ее любовник Мочилова похитил?

– Да потому что я бы и сам его похитил, а может, и убил ради этой женщины. Жаль только, что меня опередили, – с совершенно серьезным выражением лица ответил Леха, что очень испугало и озадачило его друзей.

– По-моему, у него крыша поехала, – прошептал Антон на ухо Андрею.

– Это на него так стресс подействовал, когда Ворохватов ему взбучку устроил, – вынес свой диагноз Андрей.

Федя ничего не сказал, только подошел к Пешкодралову, пощупал ладонью его лоб и повернулся к остальным со словами:

– По внешним признакам он совершенно здоров.

– Зато по внутренним – совершенно безумен, – добавил безжалостный Веня. – Хотя в его словах о любовнике что-то есть. Мы же ничего не знаем о личной жизни Мочилова. Жизнь его, конечно, по больше части происходила в стенах школы милиции, но если у него есть жена, значит, есть еще и личная жизнь.

– Верно, нужно поговорить с его женой, может, она и расскажет что-нибудь интересное, – высказался Федя.

– Можно я к ней пойду? – встрепенулся Пешкодралов.

– А также следует опросить соседей, – продолжал составлять план действий следом за Федей Кулапудов.

– Можно я? – снова вмешался Леха.

– Возможно, у него и друзья были, нужно и их опросить.

– Ну, можно я?! – уже не говорил, а причитал Пешкодралов.

– Да подожди ты, – наконец обратил на него внимание Веня. – Успеешь ты еще со своей Синди Кроуфорд повидаться.

– Спасибо, – мгновенно успокоился Пешкодралов, лег и снова уставился отсутствующим взглядом в потолок.

– Итак, что мы имеем, – начал подводить итог Кулапудов. – Согласно изложенным здесь версиям Мочилова мог похитить кто-то из недовольных курсантов или же лицо, не имеющее отношения к школе милиции, но имеющее прямое отношение к Глебу Ефимовичу. Правильно?

– Правильно, – согласились остальные.

– Что у вас тут правильно? – раздался густой бас Ворохватова. Дверь открылась, и в комнату вошел старший лейтенант.

Курсанты вскочили со своих мест и вытянулись по стойке «смирно». Только Пешкодралов так и остался лежать на кровати, изображая последнего на свете мученика. Ворохватов это заметил и спросил:

– А что это с курсантом Пешкодраловым случилось?

– Заболел он, – быстро нашелся Веня.

– Раз заболел, значит, нужно отправить его в медпункт, – пожал плечами Иван Арнольдович. – Мало ли какая у него болезнь. Может, он заразный.

– Не надо меня в медпункт, – быстро слез с кровати Леха, испугавшись того, что его действительно могут отправить к врачам, и он не сможет повидаться с женой Мочилова. – Со мной все в порядке, я просто вздремнул чуть-чуть.

– По-моему, он все-таки болен, – подозрительно глядя на курсанта, сказал Ворохватов.
– Нет-нет, со мной все в порядке, – яростно замотал головой Пешкодралов. – Готов хоть сейчас идти в бой с ненавистой преступностью.

– Ну-ну, какие громкие слова, – иронично усмехнулся Иван Арнольдович. – Вы для начала хоть одного преступника нашли бы, например, того, кто похитил капитана Мочилова.

– А мы как раз разработали несколько версий по этому поводу, – вставил свое слово Веня.

– Да? – удивился Ворохватов. – Не думал, что у вас так быстро это получится. И какие же это версии?

– Первая...

– О том, что капитана похитили вы из личной к нему ненависти, – перебил Кулапудова Дирол, за что тут же получил от Вени кулаком по спине.

– Кретин, – сквозь зубы процедил Кулапудов. – Эту версию мы откинули. Ты что, забыл?

– Ой, и правда, – спохватился Зубоскалин. – Извините, товарищ старший лейтенант, это я перепутал.

Иван Арнольдович несколько минут сверлил глазами то Веню, то Дирола, но потом взгляд его смягчился, и он полным достоинства тоном проговорил:

– Я бы никогда не пошел на такой поступок, ибо закон для меня превыше всего и нарушать я его не стану даже под страхом смертной казни.

– А мы так и подумали, – счастливо заулыбался Санек, но, получив новый толчок в спину, заткнулся.

– Иван Арнольдович, мы тут подумали и вот что решили. Мочилова мог похитить или человек из школы милиции...

– Кто именно?

– Кто-то из курсантов.

– Да, из преподавателей точно никто этого сделать не мог, – согласился Ворохватов.

– Или же какой-то тайный враг Глеба Ефимовича, не имеющий отношения к школе милиции.

– Что вы намерены делать? – напрямую спросил Иван Арнольдович.

– Искать, – оптимистично заявил Веня. – Последим за разговорами курсантов, опросим жену Глеба Ефимовича, его друзей, соседей. Да, а жене-то можно сказать, что Мочилов пропал?

– Можно, – немного подумав, позволил Ворохватов. – Все равно узнает. Бабы, они такие. Так что действуйте. Обо всем, что узнаете, немедленно докладывайте мне.

– Есть, – хором ответили курсанты.

– Да, и вот еще что, – неожиданно вспомнил старший лейтенант. – Я тут свои связи использовал и отдал окровавленную палку на экспертизу. Может быть, на ней кровь Глеба Ефимовича, а может, и преступника. В общем, скоро мы это узнаем.

Сказав это, Ворохватов вышел, громко хлопнув за собой дверью.

– Уф, – облегченно выдохнул Дирол. – Пронесло.

– Ну, об этом еще рано говорить, – заметил Веня. – Нужно сначала на след преступника выйти. Итак, кто займется слежкой за курсантами школы?

– Мы, – дружно выступили вперед близнецы Утконесовы.

– И я, – вызвался вместе с ними Дирол. – Я очень хорошо шпионить умею, вы даже себе не представляете, какой у меня талант.

– Что у тебя есть талант, это мы знаем, – усмехнулся Кулапудов. – Особенно ты умеешь попадать в не очень хорошие ситуации.

– Так мы же с ним будем, – вступился за Дирола Андрей, – так что будь уверен, с нами ни в какую историю он не вляпается.

– Ладно, – махнул рукой Веня.

– А я пойду к жене Мочилова, – снова влез в разговор со своим навязчивым предложением Пешкодралов.

– Хорошо, – согласился Кулапудов. – Только Федя пойдет с тобой.

– Я и сам справлюсь, – попробовал не согласиться Леха. – Что я, маленький, что ли?

– Не маленький, а влюбленный, причем в жену капитана Мочилова, – поправила его Зося.

– Леха, да ты не волнуйся, я тебе мешать не стану, если что, – подмигнул Пешкодралову Федя.

– Никаких если, – строго проговорил Веня. – Думать надо только о деле. Поняли?

– Поняли, – за себя и за Леху кивнул Ганга. – Сделаем все, что в наших силах.

– А я как следует осмотрю кусты, может, еще что полезное обнаружу, – для себя решил Веня.

– Может, и я смогу вам чем-нибудь помочь? – робко спросила Зося.

– Нет, пока не надо, – покачал головой Кулапудов. – Если понадобится твоя помощь, то мы немедленно к тебе обратимся. Хорошо?

– Хорошо, – со вздохом согласилась девушка. – Я все равно хотела в ближайшие дни посидеть в библиотеке.

– Значит, каждый отправляется выполнять свое задание, – поставил точку в совещании Веня и первым вышел из комнаты.

– Ребята, – обратился Федя к близнецам и Диролу, – нам теперь на обед все равно не попасть, прихватите что-нибудь пожевать.

– Не волнуйся, – блеснул улыбкой Зубоскалин. – Выпрошу поесть для вас у тети Клавы, уж она-то мне никогда не откажет.

* * *

Федя едва поспевал за несущимся по улицам Пешкодраловым. О том, что Леха был известным ходок, знали все в школе милиции. Чтобы поступить в школу милиции, Пешкодралов протопал сотню километров, разделяющих его родную деревню и Зюзюкинск. Федя тоже умел быстро ходить и бегать, выдерживал многие физические нагрузки, которыми щедро одаривал курсантов Садюкин, но все же до Лехи ему было далеко. Федя понятия не имел, где они сейчас находятся, но это его мало волновало, потому что он полностью положился на своего друга и проводника, ведь Пешкодралов точно знал, где живет капитан Мочилов.

А Леха все шел и шел, не обращая внимания на пытящего за спиной друга и устремив взгляд, подпернутый дымкой влюбленности, вперед.

– Скоро мы придем? – с трудом переводя дыхание и стараясь не отставать от Пешкодралова, спросил Ганга.

– Наверное, – не оборачиваясь, бросил Леха.

– А на какой улице он живет?

– На Пулеметной.

– Стой! – заорал Федя, сам удивляясь тому, что в нем еще остались силы на такой крик. Однако Леха продолжал стремительно идти вперед.

– Да стой же ты! – снова закричал Ганга.

Но Пешкодралов не обращал на его крик никакого внимания. То ли он подумал, что это специальная уловка Феди, который решил таким образом отвоевать себе короткий отдых, то ли просто не слышал криков. В общем, Леха продолжал идти.

И тогда Ганга решился на крайние меры. Собрав последние силы, он кинулся на Леху и врезался головой прямо в его спину. Леха, не ожидая такого коварного поступка, не удержался и полетел на асфальт, подминаемый Федей. Зато это падение имело весьма ощутимый результат – Леха наконец-то вернулся из своих мечтаний на бrenную землю и завопил:

– Люди, убивают! Люди!

– Да никто тебя не убивает, – донесся сверху голос Феди. – Просто я не нашел другого способа заставить тебя меня выслушать.

Услышав Гангу, Леха на минуту успокоился, но тут же снова заорал:

– Тогда слезь с меня! Что люди подумают!

Федя скатился с Пешкодралова и только в этот момент обнаружил, что вокруг них действительно начали собираться любопытные прохожие, которые с интересом наблюдали за валяющимися на асфальте молодыми людьми в форме курсантов.

– Батюшки, что же это делается, – причитала полная женщина неопределенного возраста с плетеной из соломы сумкой в руках. – Вы поглядите только, уже и милиционеры драться на улицах стали. А что тогда требовать от других?

– Вы правы, дорогая, – кивала стоящая рядом дамочка, больше напоминающая засушенную воблу, чем человеческую особь женского пола.

– Никакой культуры, никакой нравственности. Одни только насилия, убийства и разврат.

Какое отношение к сложившейся нелепой ситуации имеет разврат, Федя так и не успел понять, потому что тут же услышал еще одну нелепость в их с Лехой адрес.

– Да при чем здесь нравственность?! – заметил толстый лысый мужчина. Он все время держал возле уха трубку сотового телефона, как будто иначе она отвалилась бы вместе с этим самым ухом. – Они, видать, барыш не поделили. Менты, они сейчас круче мафии. У них ведь тоже у каждого своя территория.

– Да нет, тут, видимо, дело международного масштаба или там драка на почве расизма, – заметил седой старичок, видимо, из той части пожилого населения города, представители которой обожали следить за событиями во всем мире и стремились всем показать свою эрудированность и осведомленность. – Этот-то черненький так и прыгнул на белого, видать, тотшибко его обидел.

– Что творится, что творится, – вновь запричитала тетка с сумкой.

– Да вы что, с ума все посходили?! – не выдержав таких оскорблений в адрес всей милицейской братии, закричал Федя. – Ничего мы не делим! И вообще, лучше вам всем разойтись, иначе придется вас силой разгонять! Ничего тут интересного нет.

– Подумаешь, не очень-то и хотелось на вас любоваться, – фыркнула «вобла» и, демонстративно развернувшись, принялась выбираться из толпы.

За ней последовала и тетка с сумкой. Потихоньку толпа начала рассасываться, остался только мужик с «приклеенным» к уху мобильником.

Он подошел к курсантам и отеческим тоном заметил:

– Вы бы, ребята, поаккуратнее. Территориальные разборки – это дело, конечно, понятное, но нельзя же так явно самих себя дискредитировать в глазах простого народа.

– Дядя, вы что, глухой? – окончательно пришел в себя Пешкодралов. – Вам же русским языком сказали, что никаких территориальных разборок мы не устраиваем. Просто так получилось, что Федя, – он ткнул пальцем в грудь Ганги, – споткнулся и нечаянно свалил меня с ног, а я просто испугался. Понятно?

– Понятно, – кивнул мужик. – Только я вам все равно не поверил, – и еще раз окинув ироничным взглядом курсантов, он повернулся и пошел прочь.

– Вот народ пошел, – все еще продолжал возмущаться Леха. – Даже из пустяка такую проблему создадут, только диву даешься! Ну упали мы и что теперь? Да, кстати, – неожиданно вспомнил он, – а ты чего это меня толкнул?

– Потому что ты Пулеметную улицу давным-давно пробежал.

– А почему ты меня не остановил? – удивленно спросил Леха.

– Потому что за тобой бежал и по сторонам не смотрел. Ты хоть иногда можешь головой думать? – Федя постучал себя указательным пальцем по голове. – И вообще, ты можешь хоть о чем-нибудь думать, кроме жены Мочилова?

– Не-а, – расплылся в глупой улыбке Леха. – Сам не знаю, как это получается. Иду себе, а перед глазами она.

– Ну все, хватит, – не выдержал неизменно добродушный Федя. – Теперь перед твоими глазами буду я, и только попробуй еще раз так глупо улыбнуться, – Ганга приставил к носу Пешкодралова шоколадного цвета кулак.

– Да ладно тебе, – испуганно покосился на него Леха, который не мог припомнить случая, чтобы Федя так разозлился. – Не буду я так больше улыбаться.

– Вот и хорошо, – выдохнув, кивнул Ганга, но тут же, устыдившись собственной вспыльчивости, тихо добавил: – Ты уж меня прости...

– Уже простил. Пойдем.

Возвратившись на несколько кварталов назад, курсанты свернули в нужный переулок и через несколько минут очутились перед единственным подъездом дома номер семь на улице Пулеметной. Затем они поднялись на четвертый этаж и позвонили в дверь квартиры капитана Мочилова. И на этот раз дверь курсантам открыли очень быстро, как будто только и ждали их появления. На пороге стояла все та же женщина, при виде которой у Пешкодралова так захватило дух, что он едва не задохнулся от нехватки кислорода.

– Это она, – только и смог прохрипеть он.

На Федю жена Мочилова не произвела такого сильного впечатления, как на Леху, а потому Ганга, будучи в состоянии нормально дышать и говорить, сказал:

– Здравствуйте, мы курсанты школы милиции из группы вашего мужа. Нам бы хотелось поговорить с вами об очень серьезном деле.

– Ничего себе, – восхищенно протянула женщина, оглядывая Федю с ног до головы. – Да у моего мужа в группе один курсант лучше другого. Глеб никогда не рассказывал о том, что в школе милиции учится такой экзотический фрукт. А вы из какой страны? Не из Штатов ли?

– Из России я, – смутился «экзотический фрукт». – Зовут меня Федя Ганга.

– А-а, русский, – разочаровалась дамочка. – Тогда ничего интересного. А вот этого мальчика я помню, – указала она на Леху, который в этот момент так покраснел, что лицо его цветом стало напоминать вареного рака.

– Да, Леша сегодня к вам уже приходил, – поддакнул Федя. – Он искал Глеба Ефимовича. Но сейчас обстоятельства изменились, и о них-то нам и нужно с вами поговорить. Только, извините, об этом нельзя разговаривать на лестничной площадке.

– Ой, это вы меня извините, что держу вас на пороге. Проходите, пожалуйста, – спохватилась женщина, широко открывая перед курсантами входную дверь.

Парни молча просочились в квартиру.

– Проходите в комнату, – пригласила жена Мочилова, жестом указывая, куда идти.

Оказавшись в комнате, курсанты уселись на диван, на который им указала хозяйка.

– Так о чем вы хотели поговорить? – осведомилась женщина, поправляя прическу.

Феде очень не понравилось поведение этой симпатичной дамочки. Ну разве может верная жена так хорошо выглядеть и с таким беспечным видом болтать с незнакомыми мужчинами, в то время как ее муж не ночевал дома и даже не появился до сих пор? По мнению Феде, нет. Ганге даже перестала казаться бредовой Лехина мысль о том, что у этой женщины есть любовник, а такого издевательства над своим капитаном, или его памятью, Федя потерпеть никак не мог.

– А вы... Извините, не знаю вашего имени, – начал он.

– Меня зовут Анжелика, – проворковала чаровница, накручивая на тонкий пальчик золотистую прядь.

«Прямо как в книжке, – подумал Федя, вспомнив, что его мама обожала читать романы Анны и Сержа Голон. – Помнится, у той тоже была куча любовников. Видимо, неверность связана с именем», – сделал он важное умозаключение.

– Какое прекрасное имя, – прошептал Леха, у которого перестало захватывать дух, а потому появилась способность нормально разговаривать.

– Не отвлекайся, – буркнул ему Федя и, повернувшись к собеседнице спросил: – Так вот, Анжелика, вас не пугает столь долгое отсутствие дома Глеба Ефимовича? Он ведь дома не ночевал и до сих пор не появился.

– А почему это должно меня пугать? – пожав плечами, спросила женщина. – Он и раньше, бывало, по несколько дней не появлялся.

– Где же он был? – совершенно искренне удивился Федя и покосился на Леху, который совершенно не принимал участия в разговоре, а только таращился во все глаза на объект своего обожания.

– Как где? Вас все воспитывал, – начала злиться Анжелика. – Ему, видите ли, воспитание нового поколения дороже жены. А я ведь еще не старая и довольно привлекательная женщина.

– Очень привлекательная, – высказал свое мнение влюбленный Леха.

– Вы находите? – кокетливо улыбнулась Пешкодралову Анжелика, от чего у парня вновь захватило дух. – Спасибо.

Леха не смог ответить, а только кивнул с блаженной улыбкой на губах.

– А по ночам где же он был? Ночью-то воспитывать некого, курсанты спят, – чувствуя, что собеседница отвлеклась, вернул разговор в нужное русло Ганга.

– Курсанты спят, но составление учебных планов не терпит. Вот и проводил он ночи в учительской, – объяснила Анжелика.

– А может, у него были другие причины не ночевать дома, – несмело предположил Федя.

– Вы хотите сказать, что у него были другие женщины? – вскинула на него насмешливый взгляд хозяйка квартиры. – Ну уж нет. Я один раз заявилась посреди ночи в вашу школу, еле уговорила охранников пропустить меня. Поднялась в учительскую, вижу, Глеб прямо за столом на своих планах учебных и спит. Да и, честно говоря, хотела бы я на ту дуру посмотреть, которая на моего муженька польстилась бы, – ядовито бросила она. – Сами знаете, красотой Глеб не отличается. А почему вы мне задаете такие странные вопросы? Что-то случилось?

«Наконец-то она догадалась, что мы не просто так пришли», – не без иронии отметил про себя Федя, а вслух сказал:

– Случилось. Дело в том, что Глеб Ефимович пропал. Возможно его похитили или... – Федя хотел добавить, что капитана убили, но вовремя спохватился, решив не пугать женщину раньше времени.

– Как пропал? Кто похитил? – изумилась Анжелика и, театрально заломив руки, запричитала: – Ой, Глебушка, как же ты мог меня одну оставить? Какой злодей тебя у меня решил отобрать?...

– Вот именно, – прервал ее причитания Ганга.

– Что именно? – не поняла Анжелика, мигом перестав причитать и недоуменно взглянув на курсанта.

– То, что кто-то намеренно отнял у вас вашего мужа, – дал туманное объяснение Федя.

– И кто же это? – подозрительно прищурилась собеседница.

– Вот это мы у вас и хотели спросить.

– А я-то откуда знаю, – огрызнулась Анжелика. – И вообще, почему это вы на меня так подозрительно смотрите, особенно ваш напарник? – она ткнула пальцем в Леху.

А Пешкодралов так и продолжал таращиться на сидящую перед ним женщину и даже никак не прореагировал на ее выпад.

– Он на всех так смотрит, – решил спасти положение Федя. – Кстати, Глеб Ефимович нас и научил этому. Он всегда говорил, что при допросе надо всегда смотреть собеседнику в глаза.

– То-то я думаю, что взгляд у этого мальчика почти такой, же как у Глеба, когда он застал меня с... – тут Анжелика поняла, что сболтнула лишнего и замолчала.

– Застал вас с кем? – мгновенно уцепился за оборванную фразу Ганга.

– Это не так важно, – попыталась отмахнуться хозяйка, но Федя был неумолим в своем стремлении докопаться до истины, хотя постеснялся напрямую высказать свою догадку.

Однако слова Анжелики отрезвляюще подействовали на Леху. Он заморгал, перевел дух и взглянул на женщину. В его глазах уже не было прежнего тупого обожания, лишь только презрение ко всему женскому роду. Видимо, в этот момент Пешкодралов вспомнил свою недавнюю любовь Нюрку, которая этим летом выскочила замуж за комбайнера, хотя обещала дожидаться его, Леху.

– Он застал вас с любовником. Ведь так? – курсант с ненавистью взглянул на Анжелику.

Та покраснела, потом побледнела, потом поправила прическу, всхлипнула и только после этого произнесла:

– Да, с любовником. А что еще прикажете делать красивой женщине, когда муж совершенно не обращает на нее никакого внимания? Я, между прочим, долго держалась, но любое терпение не безгранично.

– Вы до сих пор с ним встречаетесь? – глядя в упор на Анжелику, спросил Федя.

– С любовником? Нет, мы расстались месяц назад. И все из-за моего мужа. А ведь Лесик меня так любил...

– Кто? – не расслышал Федя.

– Лесик, мой возлюбленный. То есть его зовут Леонид, но я всегда называла его Лесик, – пояснила женщина. – Так вот, однажды Глеб застал нас прямо здесь, вот на этом диване, – она указала на диван, на котором сидели Федя и Леха, что заставило курсантов поежиться и сдвинуться на самый краешек. – Тогда Глеб сильно кричал, потом набил моему Лесику морду и сказал, чтобы тот и на километр больше ко мне не приближался.

– А Лесик, то есть Леонид? – быстро поправился Ганга.

– Лесик сказал, что еще вернется, отомстит и заберет меня. Он – настоящий мужчина, – гордо вскинула голову Анжелика.

– Понятно, – протянул Федя и посмотрел на Леху.

На лице Пешкодралова сияла победная улыбка.

– Ну, что я говорил, – радостно проговорил он. – А вы мне еще и не верили.

– Прости, по-моему, ты действительно был прав, – покаялся за всю группу Федя, затем повернулся к Анжелике и спросил:

– А как можно найти этого Лесика?

– Вы думаете, что это он похитил Глеба? – всплеснула руками. – Вот это да! Просто невероятно! Восхитительно! Пленительно!

– Чему это она так радуется? – шепотом спросил Федя у Лехи, пораженный поведением хозяйки квартиры.

– Наверное, от изумления и отчаяния, – вынес свой вердикт Пешкодралов.

Однако причина радости Анжелики крылась совсем в другом. Постонав минут пять, она вдруг резко успокоилась, а через секунду уже заливалась слезами. Курсанты находились в полной растерянности, потому что понятия не имели, как вести себя с женщиной, которая так неадекватно реагирует на все, что они говорят.

– Ну, вы это... Успокойтесь, пожалуйста, – попытался помочь Федя.

– Ах, не трогайте меня, – простонала Анжелика. – Что же теперь будет с моим Лесиком? Его, наверное, посадят в тюрьму за похищение человека.

– Возможно, – безжалостно бросил Леха.

– А вас не беспокоит то, что будет или уже стало с вашим мужем? – в свою очередь задал вопрос Ганга. – Ведь возможно, что ваш любовник не только похитил Глеба Ефимовича, но и убил, чтобы окончательно избавить и вас и себя от него.

– Убил? – перестала плакать неверная жена. – Вы говорите глупости. Лесик не способен убить человека. Он, конечно, вспыльчив и несколько злопамятен, но на убийство никогда не пойдет.

– Так как его можно найти? – повторил свой вопрос Федя. Анжелика сдвинула брови, изображая глубокую задумчивость, затем прищурилась, посмотрела на курсантов и выдала:

– Не скажу.

– Тогда вас тоже посадят в тюрьму как соучастницу преступления, – ни на минуту не задумавшись, пригрозил умненький Федя.

– Тогда скажу, – тут же поменяла свое прежнее решение Анжелика. – Только обещайте, что не будете бить моего Лесика, он не выносит боли.

– А еще мужик называется, – ревниво пробормотал Леха, чувства которого к Анжелике, по всей видимости, еще не окончательно умерли.

– Обещаю, что бить его не будем, – торжественно поклялся Федя. – Так где он живет?

– Я не знаю, – капризно надула губки жена Мочилова. – Но я знаю, где он работает. В парфюмерном магазине «Красотка».

Такой магазин в городе был всего один, и Федя его прекрасно знал, потому что каждый год перед 8 Марта он заходил в него, чтобы купить подарки маме и бабушке.

– А кем он работает? – на всякий случай решил уточнить Ганга. – Грузчиком?

– Фи, как грубо, – фыркнула Анжелика. – Разве могут грузчики быть такими нежными? Конечно же, он продавец.

– Нашла себе ухажера, – осуждающе пробурчал Леха. Променять капитана милиции на какого-то продавца румян. Вот уж правильно говорят, что все бабы дуры.

– Замечательно, тогда придется вам с нами поехать в этот магазин, – произнес Федя.

– Не поеду.

– Почему?

– Мне перед ним стыдно за поступок своего мужа.

– Точно дура, – подтвердил свои предыдущие слова Пешкодралов.

– И все же вам придется с нами поехать, чтобы опознать его, – собирая последние остатки своего практически безграничного терпения, сказал Ганга. – Иначе вас посадят в тюрьму за сокрытие преступника.

– Вам лишь бы угрожать бедной несчастной женщине, – плаксиво протянула Анжелика. – Хорошо, я поеду с вами, недоучившиеся тираны. И кто вас только всему этому научил?

– Глеб Ефимович, – в один голос ответили курсанты.

ГЛАВА 5

Странная троица стояла на автобусной остановке. Странная, потому что посторонний наблюдатель весьма удивился бы, увидев хорошенькую молоденькую женщину рядом с двумя курсантами школы милиции, один из которых был чернокожим. К тому же выражения лиц всех троих говорили о том, что им не очень-то приятно находиться в компании друг друга. Когда Леха предложил прогуляться до парфюмерного магазина, Анжелика пришла в ужас, заявив, что такой красивой женщине, как она, не престоало топтать ножки по пыльным улицам Зюсюкинска. Мало того, она еще и потребовала, чтобы курсанты вызвали такси, причем за их же счет, чем окончательно вывела из себя и Федю, и Леху.

– Нет у нас денег, чтобы вас на такси катать. Мы не миллионеры, а курсанты простой российской школы милиции! – орал Пешкодралов.

– Не кричите, – обиженно проговорила неверная жена Мочилова. – Я не глухая, но пешком идти до магазина все равно отказываюсь.

– Ну не на руках же вас туда нести, – вмешался Федя.

– А что, это так мило, – обрадовалась женщина. – Вы такой красивый, темнокожий и сильный, – призывно посмотрела она на Гангу.

– Ну что с ней делать? – безнадежно махнул рукой Федя, отвернулся и в этот момент увидел проезжающий мимо автобус. – А на автобусе-то вы поедете? – снова повернувшись к Анжелике, спросил он.

– Общественный транспорт? Как мерзко, – фыркнула капризная дамочка.

– Слушайте, мадам, – едва сдерживая рвущуюся наружу ярость, пропыхтел Пешкодралов, – или вы сейчас едете с нами на автобусе, или мы докладываем милиции, что вы и ваш любовник похитили капитана Мочилова. Сами подумайте, кому они больше поверят. Вам или нам?

Анжелика от такого хамства оторопела, похлопала ресницами, затем покорно опустила голову и несчастным голосом сказала:

– Хорошо, я поеду в душном и пыльном автобусе. Пусть мне станет там плохо, пусть другие пассажиры толкаются и пихаются. Однако знайте, даже таким жутким образом вы не сломите меня.

– Никто вас ломать не собирается, – успокоил ее Федя. – Обещаю, что другие пассажиры не будут вас пихать и толкать. Хорошо?

– Вы меня защитите? – кокетливо состроила глазки Анжелика.

– Непременно, – быстренько согласился Федя, боясь, что капризная дамочка передумает. И теперь они втроем уже десять минут стояли на остановке в ожидании автобуса.

– Быстрее бы пешком дошли, честное слово, – ворчал Пешкодралов, который вообще не признавал никакого транспорта, кроме собственных ног.

Федя только сочувственно вздохнул, а Анжелика гордо вздернула подбородок, показывая тем самым, что по этому поводу она уже высказала свое мнение.

Тем не менее терпение курсантов через несколько секунд все же было вознаграждено – из-за поворота выехал нужный автобус.

– Прошу вас, – когда автобус остановился, сказал Федя и, галантно поклонившись, пропустил даму вперед.

– Я бы не кланялся перед ней, а пинка бы под зад дал, – проворчал Пешкодралов. – Слишком много чести для неверной жены.

– Перестань, – цыкнул на него Ганга. – Она, если ты не забыл, в данный момент, возможно, ведет нас прямо к преступнику, а потому мы должны оберегать ее и охранять.

– Ох уж эта профессия, – театрально вздохнул Пешкодралов, последним пробираясь в автобус.

Автобус не был забит до отказа пассажирами, тем не менее все сидячие места все-таки были заняты. Анжелика прошла немного вперед и остановилась возле молодого парня, который, развалившись на сиденье, лениво попивал пиво из жестяной банки. Он даже не взглянул на Анжелику, хотя та довольно близко придвинулась к нему.

– Нет, ты только погляди на нее, – возмутился поведением женщины Пешкодралов. – Да она же, как кошка, так и пристает к противоположному полу.

– Она не пристает, – откликнулся Федя, – просто думает, что этот пивохлеб ей место уступит.

– Ха, нашла дурака, – хмыкнул Леха.

«Пивохлеб», по всей видимости, был точно такого же мнения, что и Пешкодралов. Он продолжал пить свое пиво и лениво поглядывать в окошко. Лицо Анжелики приняло недовольное выражение, что мгновенно заставило курсантов напрячься.

– Молодой человек, не хотите ли уступить даме место? – надменным тоном спросила жена Мочилова.

Парень такого вопроса явно не ожидал, потому что чуть было не подавился очередным глотком. Затем он медленно поднял глаза на возвышающуюся перед ним Анжелику, хмыкнул и сказал:

– А где тут дамы?

– Хам, – огрызнулась Анжелика. – Перед тобой стоит дама.

– Это ты, что ли? – явно не поверил «пивохлеб».

– Я, – все с тем же надменным видом кивнула женщина.

– Так ты же не старая, – заметил парень.

– А разве я должна быть старой, чтобы мужчина уступил мне место в автобусе? – совершенно искренне удивилась Анжелика.

– Ну да, – пожал плечами невоспитанный пассажир. – Была бы ты старой хрычовкой да еще с клюкой, тогда уступил бы тебе место.

– Сам ты старый хрыч, – донеслось с другого конца салона.

Все немедленно обернулись туда и увидели седенькую бабуся, которая опиралась ладонями и подбородком на деревянную палку.

– Вот сейчас как встану и как дам тебе по голове этой самой клюкой... Больно, – немного подумав, добавила она.

Федя понял, что обстановка начинает накаляться, а потому нужно было срочно принимать какие-то меры. Ганга, впрочем, как и Леха, прекрасно понимал, что ни Анжелику, ни «пивохлеба», ни бабуся переубедить в личных мнениях никак не удастся, а потому нужно искать того, кто согласится уступить жене Мочилова место.

Ганга поискал глазами и увидел по левую сторону от себя двух мальчишек лет восьми-девяти, которые занимали два сидячих места и с интересом наблюдали за разворачивающимся в автобусе скандалом. «Ага, вот их-то я и попрошу уступить местечко», – радостно подумал Федя и, держась за поручни, бросился к ребяташкам.

– Мальчики, уступите тете место, – как можно вежливее попросил он.

– Не уступим, – в один голос откликнулись ребята.

– Почему? – удивился Ганга.

– Потому что, кто не успел, тот опоздал, – выдал один из детей.

– Вот поколение-то растет, – запричитала оскорбленная «пивохлебом» бабуля. – Места не уступят, руку не подадут, да еще и хрычовками обзываются, – бросила она ненавистный взгляд на парня с пивом. А ты, черненький, не переживай, у нас в стране все такие, – это она уже обращалась к Ганге.

Федя, услышав это, только вздохнул и безнадежно махнул рукой, подумав, что разговаривать тут с кем-либо совершенно бесполезно.

Леха в это время пробрался к Анжелике и, схватив ее за руку, потащил к выходу.

– Отпустите, отпустите меня сейчас же, – возмущалась женщина.

– На улице отпущу, – бросил через плечо Леха, продолжая волочить упирающуюся ногами и руками Анжелику.

– Я не хочу на улицу, – возмутилась та.

– Зато я хочу, – оставался непреклонен Пешкодралов.

Леха дотащил бунтарку до дверей и ждал несколько секунд, пока они не открылись, продолжая силой удерживать возле себя женщину. Наконец водитель открыл на остановке двери, и Пешкодралов вместе с Анжеликой буквально вывалился из автобуса.

– Извините, граждане, служба, – проговорил Федя, тоже направляясь к открытым дверям. – А вам всем я бы посоветовал подумать над собственным поведением на досуге.

– Ха, негр, а все туда же, воспитывать, – донеслось ему вслед.

Федя не стал обращать внимания на эту оскорбительную реплику, а только молча вылез из салона.

– Нам же еще два квартала идти, – возмущалась Анжелика, руку которой Леха уже отпустил и теперь смотрел, как женщина брезгливо отряхивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.